

Ибн Гебиrolь
ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

<Извлечения из книги> рабби Соломона – память о нем
да будет благословенна! – ибн Гебиrolь,
которые перевел
с арабского языка на еврейский язык
мудрец рабби Шем Тов – память о нем
да будет благословенна! –
Ибн Фалакера.

<Предисловие Ибн Фалакеры>

Сказал Шем Тов сын Иосифа ибн Фалакера: я изучил книгу, которую составил мудрец рабби Соломон – память о нем да будет благословенна! – Ибн Гебиrolь, называемую “Источник жизни”. Стало мне очевидно, что он следует взглядам древних мудрецов, подобным тем, что упомянуты в книге Эмпедокла о “Пяти субстанциях”¹. Эта книга основана на том, что во всех духовных субстанциях есть духовная материя; форма же приходит сверху, а материя получает ее внизу; иными словами, материя – это под-лежащее, а форма носима ею.

Я обнаружил: еще Аристотель в книге второй “Метафизики” писал, что древние полагали материю в вещах вечных; все, имеющее в себе материю, является составным и содержит в себе возможность²; что материей обладает лишь то, что подвержено возникновению и уничтожению и что изменяется в иное. И я извлек выдержки из его высказываний; в этих извлечениях обобщены все его взгляды.

Книга первая (извлечения)

1. Из всех частей человека познающая является самой благородной, постольку и надлежит искать человеку знание. В нем же он должен искать знание себя самого, чтобы через себя познать все иные вещи, которые не являются им; ибо он объемлет собою вещи, проникает в них и вещи подпадают под его силы. Вместе с тем ему надлежит искать познание последней причины, ради которой он <существует>, потому что у бытия человека есть последняя причина, ради которой он существует; ведь все подпадает под <действие> Воли Единого, да святится Он и да будет благословен!

2. Воля – это божественная сила, творец и движитель всего; ни одна вещь не может быть ненаполненной ею. Именно через знание и деяние прилепляется душа к высшему миру, ибо познание необходимо влечет за собою деяние, а деяние удаляет душу от того, что противоположно ей, и приносит порчу, и возвращает душу к ее собственной природе и сущности. Говоря в общем, знание и деяние искупают душу из темницы природы, очищают ее от мутности и темноты, и тогда возвращается она в свой высший мир.

3. Есть три рода сущего: материя и форма, первая субстанция и воля – посредник между двумя пределами. Существование лишь этих трех родов сущего объясняется тем, что действие не может быть без причины и без посредника между ними. Причина есть первая субстанция; действие – материя и форма; посредником между ними является воля. Образом материи и формы служат тело человека и его форма, то есть сочетание его членов; образ воли – душа; образ первой субстанции – разум.

4. И самое достойное то, с чего начинают исследовать, овладев прежде искусством доказательства, и что приносит наибольшую пользу, – это изучение субстанции души, ее способностей и акциденций, всего того, что достигает ее и прилепляется к ней; ибо душа – под-лежащее для знаний, она постигает все вещи благодаря своим способностям, проникающим во все. И когда ты изучишь науку души, ты познаешь ее возвышенность и бессмертие, ты узнаешь, что объемлет она собою все вещи, так что ты удивись ее субстанции, ибо увидишь, что в некотором смысле она является носителем для всех вещей. И тогда ты почувствуешь, что сущность твоя охватывает собою все существующее, познаваемое тобой, и в некотором смысле оно пребывает в твоей сущности. Ты почувствуешь, что сущность твоя объемлет все то, что ты познаешь, и увидишь, что она охватывает собою весь мир с быстротою превыше мгновения. Ты не смог бы сделать этого, если бы субстанция твоей души не была тонкой и крепкой, всепроникающей и являющейся обителью всех вещей.

5. Знание, к которому устремлено бытие человека, – это знание всего <сущего> как оно есть, и в особенностях знание первой субстанции, носящей и движущей все сущее. Истинное знание этой субстанции в отвлечении от действий, проистекающих из нее, – вещь невозможная. Знание о ее существовании, о котором дают представление вызванные ею действия, возможно. Истинное же знание этой субстанции невозможно, поскольку она превыше всякой вещи и бесконечна.

6. Если во всякой вещи присутствует всеобщая материя, то последняя должна иметь следующие свойства: 1) существовать; 2) существовать сама по себе; 3) быть единой субстанцией; 4) быть носительницей различия; 5) давать всему свою сущность и свое имя.

В ней полагается бытие, так как несуществующее не может служить материей для того, что существует; в ней полагается существование через себя саму, ибо никакая вещь не может продолжаться до бесконечности; <что было бы>, если бы материя существовала через что-либо иное, чем она сама; в ней полагается единство, ибо мы ищем единую материю во всех вещах; <в ней полагается> различие, потому что различие коренится в формах, а формы не существуют сами по себе; <в ней полагается> придание всему своей сущности и своего имени, ибо, являясь носителем всего, она с необходимостью существует во всем; если она существует во всем, то, следовательно, она дает всему свою сущность и свое имя.

7. Различие между видимыми родами сущего предстает в видимых формах; и, подобно этому, различие между невидимыми родами сущего предстает в невидимых формах. Если так, то различие воистину коренится в формах сущего; однако невидимая субстанция не принимает никакой формы. Иначе говоря, первая всеобщая материя едина и нет в ней различия. Пример тому – кольцо, серьга и печать из золота; их формы различны, но материя –

носительница – едина, и сущность ее – также едина. Итак, роды сущего различаются формой; материя же, носящая их, – едина.

8. В действительности, как мы сказали, материя существует, лишь тогда к ней прилепляется духовная форма, однако сама по себе материя не пригодна к существованию; пригодна же она к нему лишь тогда, когда к ней прилепляется форма, иными словами, актуальное существование. Однако, хотя материя и не может <актуально> существовать без формы, она пригодна к другому роду существования, а именно к существованию в возможности.

9. Материя бывает четырех видов, как и форма: 1) материя частная искусственная; 2) материя частная природная; 3) материя всеобщая природная, носительница для становления и 4) материя сфер³. Каждому из этих видов материи соответствует носимая ею форма.

10. Эти виды материи и формы, отличаясь друг от друга, согласуются между собою в идее материи и формы. И в чувственно воспринимаемых природных вещах, всеобщих и отдельных, нет ничего, помимо материи и формы.

Книга вторая (извлечения)

1. Знание о существовании телесной материи, то есть о субстанции, носящей телесность, извлекается по аналогии с предшествующими рассуждениями о <видах> материи; ибо если мир – субстанция телесная, подобно тому, как и тело – субстанция, обладающая фигурой и цветом, то отсюда следует, что тело служит материей для форм, носимых им, иными словами, для очертаний, цветов и других акциденций, и что эти вещи – форма для него. И следует также, что здесь присутствует некая вещь, а именно материя для телесности, для которой телесность является формой. Сопоставление же телесности с материей, носящей ее, подобно сопоставлению всеобщей формы, то есть фигур и цветов, с носящей их телесностью. Следовательно, здесь присутствует чувственно-воспринимаемая материя, то есть носительница формы тела. Для получения знания о видах материи и формы я дам тебе общее правило. Суть его в том, чтобы ты представлял себе классы существующего как упорядоченные один над другим; одни из них охватывают собою другие; одни из них носят на себе другие и объемлют их двумя пределами – верхним и нижним. То, что пребывает в высшем пределе, объемлет собою все, подобно всеобщей материи, которая является только материей-носительницей. А то, что пребывает в низшем пределе, подобно чувственно-воспринимаемой форме, является только носимой формой. Для срединного же между двумя пределами самое высшее и самое тонкое служит материей для самого низшего и грубого; низкое же и грубое – форма для него. Следовательно, телесность мира, которая представляется под-лежащим для формы, носимой ею, – сама является формой, носимой внутренней <невидимой>⁴ материей, о которой мы говорим. Аналогично этому, материя эта будет служить формой для того, что следует за нею, – пока, таким образом, не будет достигнута первая материя, объемлющая все вещи.

2. Само имя тела – доказательство существования материи, носящей телесность. Ибо если ты будешь описывать вещь, <сказав>, что она является

телом, то ты получишь описание (<то'ар>) и описываемое (<мету'ар>); точно так же, как если бы ты описывал тело, <говоря>, что оно расцветено или обладает фигурой, ты тем самым получал бы также описание и описываемое. А когда, определяя <тело>, ты скажешь, что это длина, и ширина, и глубина, ты получишь вещь длинную, широкую и глубокую.

3. Частная искусственная материя носима частной природной материей; частная природная материя носима общей природной материей; общая природная материя носима материей сфер; материя сфер носима всеобщей телесной материей. Из всего этого вытекает, что сфера со всем, что в ней пребывает, существует в духовной субстанции и духовная субстанция носит ее.

4. Отсюда следует, что частные природные формы пребывают во всеобщей природной форме; всеобщая природная форма пребывает во всеобщей сферической форме; всеобщая сферическая форма пребывает во всеобщей телесной форме; всеобщая телесная форма пребывает во всеобщей духовной форме.

5. Если субстанция разума знает себя самое, то это значит, что форма истины носима ею. И потому разум распознает эту форму и не сомневается в ней, что она носима им самим и не отдалается от него. Потому и субстанция души распознает форму истины за небольшой промежуток времени, что она близка к субстанции разума (иными словами, ее природа близка к природе разума) и подобна ему. Жизненная душа не распознает эту форму совершенным образом, но лишь согласно воображению – по причине своей удаленности от разума (иначе говоря, удаленности своей природы от его природы). Это подобно зрению: когда оно отдалается от чувственно-воспринимаемого <предмета>, то форма последнего становится сомнительной для него и не может быть распознана. И если дело обстоит именно так, как мы сказали, то есть если разум постигает форму истины через себя самое (поскольку она носима его субстанцией); если его постижение вещей и знание их означает охватывание и окружение их, то невозможно, чтобы разум постиг что-либо из того, что упорядочено свыше его. Однако это <надо понимать> не в безусловном смысле, ибо для разума возможно постигнуть то, что выше его, – как то, через что он установлен, иными словами, как постижение следствием своей причины. Но он не постигает <то, что выше его>, в том смысле, что объемлет его собою, то есть так, как причина постигает следствие. И если разум постигает все субстанции, то из этого следует, что он выше их. А если он выше их, следовательно, он окружает их собою; если же он окружает их, то отсюда вытекает, что все они в нем и что он постигает их все.

6. По мере того как вещь становится более тонкой, а ее субстанция – более прозрачной, усиливается ее восприятие и постижение. По восприятию и постижению вещей разум превосходит все, что ниже его. Следовательно, субстанция его – самая тонкая и самая прозрачная в сравнении со всеми субстанциями, которые пребывают под ним.

7. Поскольку у разума нет формы, свойственной его сущности, и он всегда постигает все имеющиеся, то из этого вытекает, что формы всех вещей – это формы его субстанции. А если все формы – это формы, принадлежащие субстанции разума, и они являются различными у разума, то отсюда следует, что они различаются и сами по себе.

8. Все формы сущего, которые объемлют собою чувство и разум, различаются сами по себе, потому что они различаются у чувства и у разума; однако они не различаются в существовании, потому что все роды сущего объединяются и сочетаются <между собою>. И пример различия умопостигаемых субстанций и акциденций, и их отличия сами по себе (хотя они и объединены в существовании) – это различие чувственно-воспринимаемых тел и их акциденций и отличие их самих по себе и у чувства (хотя они и объединены в существовании), подобно цвету, фигуре и телу: ведь всякая из этих вещей отличается от другой сама по себе, хотя все они и объединены в существовании. То же самое можно сказать о количестве и субстанции, носящей его, ибо количество отлично – само по себе и для разума – от носящей его субстанции, хотя они и объединены в существовании. Объединение количества с субстанцией – это подобие объединения цвета и фигуры с количеством, хотя они и отличаются от субстанции сами по себе и у разума, так же как всякий цвет и фигура отличается от количества сами по себе и для чувства, хотя они неразличимы в существовании.

9. В своей всеобщности и количество носимо субстанцией; точно так же все умопостигаемые субстанции носимы одни другими, подобно ношению цвета и фигуры количеством и ношению количества субстанцией.

10. Все формы носимы первой материей, подобно тому как количество носит фигуру и цвет и все другие акциденции и подобно тому как субстанция носит количество. Отсюда ты уяснишь себе, что видимые роды сущего – образ невидимых; и тебе станет ясным, что все вещи, пребывающие в первой материи, являются ее частями. Ты увидишь, что первая материя – всеобщее для них и одни из этих вещей являются частями других, так что первая материя-носительница покажется тебе книгой, начертанной и написанной. И вот тогда ты узришь, что разум твой охватывает собою все вещи и парит над ними сообразно способности человека.

11. Эта субстанция-носительница девяти категорий⁵ – дверь для изучения того, что скрыто от чувств, ибо она пребывает рядом с чувственно воспринимаемыми вещами, а также потому, что эта субстанция оформлена девятью категориями и служит примером, взятым для доказательства скрытого.

Я дам тебе общее правило, достаточное для разъяснения того, что отсюда последует. Вот оно: поскольку душа со времени соединения с телом лишена знания вторичных акциденций и вторичных субстанций⁶ (и лишь впоследствии она их приобретает), когда она видит первичные акциденции и первичные субстанции, блуждает по ним и проходит их, то, как следует отсюда, первичные акциденции и субстанции, то есть природный мир, запечатлеваются на ней, и уготованы ей чувства для постижения через них первичных акциденций и субстанций. И когда душа их постигает, то постигает через них и вторичные акциденции и субстанции.

И потому человек по мере познания чувственно воспринимаемых вещей с момента своего рождения приумножает через это свой разум и переводит его из способности в действие, поскольку чувственно воспринимаемые формы запечатлеваются на органах <восприятия>, уподобляясь им. И формы, отпечатанные на органах <восприятия>, запечатлеваются и на способности воображения, но в большей тонкости и простоте, чем те, что запечатлелись

на органах. И точно так же они запечатлены на субстанции души, – в тонкости и простоте большей, чем те, что запечатлены на способности воображения. И, таким образом, отношение чувственно воспринимаемых форм к душе подобно отношению написанной книги к чтцу: ибо когда зрение воспринимает буквы и знаки книги, то припоминает душа их истинный смысл.

12. И я дам тебе принцип, чтобы ты руководствовался им. Так как устремление наше к знанию, которое восходит от низшего предела сущего к высшему пределу, и так как все, что существует в низшем пределе, исходит из высшего, мы с необходимостью должны полагать все, что находим в низшем пределе, аналогией и доказательством того, что существует в высшем. Ибо низшее – это образ высшего, которое ниспосылает его из себя. И так как низшее ниспосылается из высшего, отсюда следует, что оно – его образ.

И этим разъясняется, что низшее ниспосылается из высшего.

Если дело обстоит так и мы познали подобие между двумя пределами, то разъясни, как надо понимать сокровенное со стороны явленного? <Отвечаю:> так как стремление наше – подняться к высшему пределу сущего, то есть ко всеобщей материи, носящей все вещи, и ко всеобщей форме, носимой ею (которые являются пределом сущего с нашей стороны и началом его со стороны Сотворившего их, да святится Он и да будет благословен!), и мы созерцали низший предел, то есть матерью – носительницу девяти категорий, то, <следовательно>, мы обнаружили, что они соответствуют друг другу и сопоставимы друг с другом. Точно так же мы обнаружили, что форма количества, носимая этой субстанцией, соответствует всеобщей форме, то есть форме разума, носимой первой всеобщей материей, как если бы высший предел был телом Солнца, а низший – его лучами, распространяющимися по кругу земли.

13. И ты увидишь соответствие этих двух пределов друг другу, если сосредоточишь внимание на свойствах всеобщей материи, ибо найдешь их в низшей материи. Это – существование само через себя, и единство, и ношение различия, и другие ее свойства. Таково же соответствие между двумя формами, ибо, подобно тому как первая форма порождает, когда она прилепляется к высшей материи разумного вида и устанавливает ее сущность, так и форма количества порождает, если присоединяется к низшей материи телесного вида и устанавливает ее сущность. А раз так, то форма количества соответствует форме разума.

Объясняется это тем, что форма разума – простое единство, а форма количества – множество составных единств. И подобно тому как форма разума не отделена от высшей материи, так и форма количества распространяется по всей сущности низшей материи. Подобно тому как форма разума покрывает собою высшую матерью и объемлет ее, так и форма количества покрывает собою низшую матерью и объемлет ее. И подобно тому как форма разума носит все формы и все формы носимы ею, так и форма количества носит все формы тела и его акциденции и они пребывают в ней.

Подобно тому как фигура есть предел формы количества и объемлющая его граница, так и знание есть предел формы разума и граница, объемлющая его. Воистину знание, которым обладает разум, является фигурой в нем, потому что оно представляет собою предел, объемлющий его подобно тому, как фигура объемлет тело. Ибо, подобно тому как тело, встречая другое тело

и прилепляясь к нему, поистине встречает его и прилепляется к нему своей фигурой, так и разум, встречая <другой> разум, и прилепляясь к нему, воистину прилепляется к нему своим знанием. Подобно тому как форма количества изливается в точку и в единство, так и форма разума изливается в материю и в единство. И подобно тому как разум, созерцая форму количества, находит ее наивысшей из форм и самой приближенной к субстанции и обнаруживает, что другие формы ниже ее, так и ты, исследовав форму разума, обнаружишь, что она – наивысшая из форм и наиболее приближенная к материи, а все другие формы ниже ее.

Существуют формы, с необходимостью присущие материи (как форма разума и простых субстанций), и наряду с ними существуют формы, не присущие материи с необходимостью (как формы видов материи), то же самое можно обнаружить у субстанции: одни из ее форм не являются необходимыми (как присущие ей цвета и фигуры и то, что подобно им, из акциденций); другие же из них, как, скажем, количество, с необходимостью присущи материи. Подобно тому как формы материи встречаются с разумом, так и формы субстанции встречаются с чувствами. Таковы и все остальные подобия, существующие между двумя этими пределами.

14. И для того, чтобы нам получить знание о материи и форме, в знании категорий⁷ потребуется лишь знание их родов, и видов, и отличий, свойств, и их общности, их различия, а также знание того, что все эти роды⁸ – формы субстанции, под-лежащей им. Но да будет постижение твое созерцанием субстанции, носящей их. И пусть разум твой приложит усилия к этому, потому что она является умопостижимой, а не чувственно воспринимаемой субстанцией и знание ее предшествует знанию всех умопостижимых субстанций.

Однако хотя эта субстанция и является умопостижимой, степень ее не равна степени других умопостижимых <субстанций>, так как упорядочена она в низшем пределе всех субстанций и претерпевает действие, в то время как другие субстанции действуют. Доказательство же, что субстанция эта претерпевает действие, а не действует, в том, что всякое действующее, кроме Первого Действующего, нуждается в под-лежащем, которое принимает его действие. Но под этой субстанцией нет другой субстанции, принимающей ее действие, ибо она являет собою низший предел сущего и является центром для других умопостижимых субстанций. Кроме того, количество удерживает ее от движения и не допускает его из-за того, что <количество> растекается по ней и она погружается в него. И потому она подобна пламени огня, замутненного влажностью, которая смешалась с ним и замедляет быстроту его движения; и <подобна> воздуху, затуманенному облаками, которые препятствуют проникновению света. И запечатления субстанции становятся видимыми, поскольку смешение является тонким и готово к их восприятию.

Под запечатлением же я имею в виду проникновение <в телесную субстанцию> разумных субстанций. В этом случае запечатление духовных субстанций на теле становится видимым, потому что они смотрят на него и пронизывают его. И это подобно Солнцу, когда оно проникает сквозь преграды и пронизывает их.

Помимо того, что количество удерживает субстанцию от движения и препятствует ему, она лишена движения сама по себе – вследствие удаленности ее от источника и корня движения и способность к действию,

движущая вещи (через которую последняя сама стала бы движущей и действующей), не достигает ее. Следовательно, она не может двигать, хотя сама движется, а, точнее, претерпевает действие.

Доказательство того, что количество удерживает носящую его субстанцию от движения, в том, что тело всякий раз, когда к нему прибавляется количество, становится более тяжелым и его движение затрудняется.

15. И эта вещь иногда называется субстанцией, а иногда – материей. Различие между именем “субстанция” и именем “материя” в том, что имя “материя” падает на вещь, которая готова воспринять форму, но еще не восприняла ее; имя же “субстанция” падает на материю, которая восприняла какую-либо форму и стала в ней определенной субстанцией.

16. Названная субстанция является вещью, носящей форму количества. Природа этой субстанции вытекает из другой субстанции, высшей, чем она, а именно – из субстанции природы, и сущность ее ниспослана из сущности природы. Если ты захочешь сказать, что она пребывает на более низкой ступени, чем природа, или что по своей силе она уступает силе природы, и если всякая вещь происходит из другой вещи, то это с необходимостью означает, что между двумя вещами существует некое подобие. Если эта субстанция происходит из субстанции природы, следовательно, между субстанцией и природой должно существовать некое подобие.

17. Когда человек будет знать “что такое” (“махут”) этой субстанции, он узнает тем самым ее “почему” (“ламмут”)⁹, поскольку “почему” находится рядом со “что такое”. Понятие “почему” родов сущего <постигается> из знания воли. “Почему” означает причину, ради которой каждый из родов, видов и индивидов переходит из способности в действие, и тот предел, у которого останавливается каждый из них.

18. Поскольку существует воля, которая приводит в движение носимые материей формы и которая проникает в них до крайнего предела материи, – потому что воля проникает во все и объемлет все – и поскольку форма следует за ней и покорна ей, то запечатление различных частей формы (то есть различий, установленных в видах и подразделяющих их) и оставление следа на материи происходит в соответствии с тем, что именно пребывает в воле.

19. И это свидетельствует о великой тайне. Она в том, что все роды сущего удерживаются волей и зависят от нее, потому что всякая из форм сущего оставляет свой след на материи, и <существует> равенство в <распределении> их запечатлений на ней. В общем, “равенство” заключается в противоположности форм в материи и в том, что они пребывают в равновесии, ибо воля удерживает их и устанавливает возле своих границ и пределов, и формы со стороны воли упорядочены и уравнены. Поэтому они удерживаются ею и зависят от нее.

Пример же всего этого – разделение субстанции на простую и составную; разделение простой на разум и душу и на форму и материю (“хомэр”)¹⁰; разделение составной на растительное и другие виды, на живое и неживое, а также другие противоположности, которые существуют между различиями, подразделяющими материю и устанавливающими ее <бытие>.

20. И невозможно тебе постичь тайну воли иначе как через познание всеобщности материи и формы, ибо воля – действующее для материи и

формы и их движитель. Уровень учения о воле в сравнении с учением о материи и форме соответствует уровню учения о разуме в сравнении с учением о душе. И уровень учения о разуме в сравнении с учением о душе соответствует уровню учения о материи и форме в сравнении с учением о разуме¹¹.

21. Если ты спросишь, каким образом существует эта субстанция и где должно представлять себе ее существование, то тебе надлежит узнать, что не всякая вещь нуждается для своего установления в телесном месте, так как то, что является не телом, а простой субстанцией, устанавливается в своей причине, которая носит ее. И отсюда следует, что причина проста, подобно ей. И эта субстанция не является сама по себе телом, которое бы занимало место в ней; но она служит местом для количества, в котором существует место в истинном смысле.

А если ты скажешь: "Если место существует в количестве, то как согласуется с этим суждение о том, что субстанция – место для количества? Ведь "место" с необходимостью означает сцепление поверхности тела с поверхностью другого тела; субстанция же не имеет в себе поверхности, которая прилеплась бы к количеству, поскольку субстанция не является телом?" –

22. То ответ будет таков. Представляя вещи в их истинности, ты не должен смешивать их низшие формы с высшими. И когда ты обнаружишь какой-либо признак в индивидах или в видах, или в родах, близких к нам, не думай, что ты найдешь этот признак в том, что является высшим по отношению к индивидам, видам или родам. И хотя признаки, пребывающие в низших <вещах>, проникают в них от высших, они не представлены в них в той же самой форме, в какой они находятся в высших. Это общий принцип, и он распространяется на все, что простирается от высшего к низшему¹².

23. И существование родов сущего, и их установление находится в соответствии с девятью ступенями. Вначале – существование всех вещей в знании Предвечного – да прославится Он! Ниже этого – существование всеобщей формы во всеобщей материи; еще ниже – существование простых субстанций, одних в других; ниже следует существование простых акциденций в простых субстанциях; и ниже этого – существование количества в субстанции; еще ниже – существование поверхностей в телах, и существование линий на поверхностях, и существование точек на линиях; ниже этого – существование цветов и фигур на поверхностях; еще ниже следует существование подобных частей тел одних в других и ниже этого – существование одних тел в других. И это известно <как> "место". По мере того как <бытие> нисходит и опускается от простых <вещей> к составным, оно уплотняется и огрубляется; а по мере того как восходит, становится более прозрачным и тонким.

24. И да не будет для тебя сомнительным то, что мы сказали, а именно что субстанция – место для количества. Ибо мы сказали это, дабы было известно, что она носит его и что оно существует и установлено в ней. Ибо ничто не воспрепятствует сказать, что субстанция не является телом, но что она – место для тела, когда носит его. И также ничто не помешает сказать, что тело – место для того, что не является телом, подобно цветам, фигурам, линиям и поверхностям и другим телесным акциденциям; хотя то, что известно как место, должно с необходимостью означать прилепление двух тел, а эти акциденции не являются телами.

25. Место бывает двух видов: духовное и телесное. И если ты захочешь узнать, каким образом одна простая субстанция существует в другой и как одна из них служит другой местом, представь себе существование цветов и фигур на поверхностях и существование простых акциденций в простых субстанциях, подобно акциденциям, носимым душой; ибо эти акциденции существуют в душе и душа их вместилище, помни тот принцип, который мы здесь установили: видимые вещи – это образ невидимых вещей. Согласно этому принципу, видимое низшее место – образ невидимого высшего. Таковы и все другие степени <сущего>, что пребывают между двумя пределами.

26. Поскольку первое единство – это единство само по себе, оно производит единство, которое ниже его. И так как оно порождено первым истинным единством, которое безначально и бесконечно, не изменяется и не имеет различий, то отсюда следует, что единство, получающее его запечатление, то есть порожденное им, имеет начало и конец; и ему свойственны изменение и различие, и потому оно не подобно истинному и совершенному единству, и в нем случается множественность, и различие, и изменение. Из этого вытекает, что оно делимо и имеет различные степени.

И чем более близко это единство к первому истинному единству, тем крепче объединением и тем проще материя, оформляемая им. И наоборот, чем более удалено оно от первого единства, тем крепче оно множественностью и тем в большей мере является составным. Вот почему единство, которое устанавливает материю разума, единое и простое, не разделяется и не умножается <само в себе>, хотя оно и делится акцидентально. Оно более простое и более единое, чем другие единства, устанавливающие другие субстанции, по той причине, что оно пребывает у высшего предела Первого Единства, которое устрояет его. В свою очередь, субстанция разума постигает все вещи единством своей сущности, устанавливающим ее, потому что ее единство объемлет собою все другие единства, устанавливающие субстанцию всякой вещи. Ибо все другие единства умножаются и удваиваются, <исходя> из Первого Единства. И первое сотворенное единство устанавливает их субстанции. Таким образом, субстанции множественных единств существуют от субстанции единого единства. Потому оно пребывает вместе с ними и существует в них; потому формы всех вещей пребывают вместе с формой разума. Она носит их и собирает, поскольку ее простое единство собирает в субстанции своей все другие единства.

Формы всех вещей представляют собой множественные единства, так как ничто из умопостигаемого или чувственно воспринимаемого не может не быть единым или множественным. А поскольку единство, носимое материей разума, является единым и простым, как мы уже упомянули, то отсюда следует, что единство, носимое материей души, удваивается и умножается, ибо оно упорядочено ниже ступени единства, носимого материей разума. С той же непреклонностью оно удваивается и умножается, подвергается изменению и различается на других ступенях материи, носящей его, по мере нисхождения ступеней материи в нижнее место и по мере удаления от высшего места, пока не будет достигнута материя, носящая количества, то есть субстанция этого мира. И <единства>¹³ удваиваются в ней и делятся, и прибавляются, и утесняются из-за материи, носящей их, ибо они подчиняются действующему единству. Поэтому субстанция сгущается, обретая телесность

и удерживаясь сама собою. Эта низшая субстанция, многократно уплотненная и огрубленная, противоположна высшей субстанции, просто и тонко организованной, ибо эта <последняя> – обиталище для первопричины объединения и для его начала; а та <первая> – вместилище его предела и конца. А не бывает так, чтобы конец был подобен началу, ибо конец необходимо является концом силы начала и его прекращением.

27. И образ простоты субстанции от ее ниспосылания и до природы, и <образ> обретения ею телесности, начиная от природы и до центра¹⁴, – это текущие воды, и одна их часть более глубока, чем другая; одни из них прозрачные и легкие, а другие – мутные и плотные (подобно расплавленному огнем куску свинца, когда его извлекают, при этом одна его часть изливается потоком и зрение проникает в нее, другая же часть – наоборот). Таким образом, по внешнему виду мы определяем различие единств в материиносительнице: ведь мы находим части огня в предельном единстве, простоте и равенстве, так что подобна форма его вещи единой, не имеющей в себе множественности; мы видим части воздуха и воды более разделенными и рассеянными, так что их части и единства постигаются по внешнему виду. Именно таким путем мы приближаемся к тому знанию, о котором я упомянул, а именно к знанию о количестве, носимом субстанцией, которое образуется из собирания удвояющихся единиц. И потому сказано, что составление мира произошло через начертание чисел и букв в воздухе¹⁵.

28. Всякая форма из форм простых субстанций едина и не приемлет разделения. Ибо как она примет разделение, пребывая единой вещью? Достоверно известно: разделяется единство через количество – по причине субстанции, под-лежащей ему. Разве ты не видишь, что все единства, разделяемые количеством, согласуются между собой через форму единства, различаются же именно через свое под-лежащее? Доказательством этому служит то, что единство устанавливает материю, объединяет и удерживает ее. И если материя тонкая и простая, далекая от рассеивания и дробления, то с ней согласуется и ей подобно и единство; они являют собою единую вещь, неделимую в действии. Если же материя плотная и слабая, то единство уже не является подобным ей, оно слабо для объединения с ней и для собирания ее сущности. И тогда материя, не удерживаемая единством, рассеивается, а единство умножается и разделяется.

29. Существование всеобщей телесной субстанции во всеобщей духовной субстанции подобно существованию тела в душе. Как душа объемлет собою тело и носит его, так и всеобщая духовная субстанция окружает всеобщее тело мира и носит его. И подобно тому как душа по сущности своей отделена от тела и прилепляется к нему, не соприкасаясь с ним, так и духовная субстанция отделена по сущности своей от мирового тела, и прилеплена к нему, в то же время не касаясь его.

30. Идея прилепления духовной субстанции к телесной и, говоря в общем, прилепления одних духовных субстанций к другим и существования одних в других постигается разумом через подобие прилепления света или огня к воздуху, и цветов и фигур – к количеству, и количества – к субстанции, и прилепления духовных акциденций к духовным субстанциям. Ибо, если видимые вещи с необходимостью являют собою образ невидимых вещей, тогда столь же необходимо, что прилепление частей телесных субстанций (таких, как цвет, фигура, количество, субстанция) друг к другу – образ

прилепления духовных субстанций друг к другу и существования одних в других.

31. Во всех умопостижимых вещах, всеобщих и отдельных, нет ничего, кроме материи и формы.

Книга третья (извлечения)

1. Нужно теперь доказать, что между Первым Действующим – да прославится Он! – и субстанцией, носящей категории, существуют посредничающие субстанции. Тем самым мы устанавливаем основополагающий принцип; суть его в том, что если первая из существующих вещей – это Первый Действующий, для которого нет иного действующего, а последняя из них – это Последний Претерпевающий действие, для которого нет иного, претерпевающего действие, то существует разделение между первой и последней из вещей в сущности и в действии. Ибо если бы разделения между ними не было, то первая была бы последней, а последняя – первой. Идея разделения между ними заключается в отсутствии подобия; отсутствием же подобия устраняется и прилепление, так как последнее возможно лишь при наличии подобия.

2. Доказать существование простых субстанций очень трудно; поэтому мы предположим ему доказательство, которые разъясняют существование посредничающей субстанции между Первым Действующим и Последним Претерпевающим действие.

Доказательство. Первый Действующий является первой из всех вещей; а первая из вещей отделена от последней из них. Субстанция, носящая девять категорий, – последняя из вещей. В таком случае Первый Действующий отделен от субстанции носящей девять категорий.

Это следствие мы берем как посылку и говорим: Первый Действующий отделен от субстанции, носящей девять категорий. А если две какие-либо вещи являются разделенными (то есть между ними имеется удаление), то между ними существует посредник, иначе они были бы одной вещью и не были бы разделены. В таком случае существует посредник между Первым Действующим и субстанцией, носящей девять категорий.

3. Душа отделена от тела, и если бы не дух¹⁶, посредничающий между ними, одно не могло бы прилепиться к другому.

4. Но если бы Первый Действующий был отделен от субстанции, носящей девять категорий, то им было бы невозможно прилепиться друг к другу без существования посредника между ними. А если бы они не слеплялись, субстанция не существовала бы ни мгновения.

Доказательство. Первый Действующий – да будет Он благословен! – истинно единый, в нем нет множественности; субстанция же, носящая категории, подобна пределу множественности, и после нее не существует иной вещи, которая была бы более сильна множественностью. А все составное и множественное разрешается в единое. В таком случае не может не быть посредников между истинным единым и составной множественностью.

Доказательство. Всякое действующее воздействует на то, что ему подобно. А поскольку простая субстанция подобна Первому Действующему, Первый Действующий воистину воздействует на простую субстанцию.

5. Чем более восходит субстанция, тем более объединенной она становится. И все то, что умножается, нисходя, и объединяется, поднимаясь, с необходимостью доходит до истинного объединения¹⁷. Отсюда следует, что умножающаяся субстанция преобразуется в субстанцию, объединенную в истинном смысле.

6. Подобие малого мира большому – в порядке и строении. Субстанция разума, самая тонкая, простая и благородная из всех субстанций малого мира, не прилепляется прямо к телу, но душа и дух посредничают между ними.

Таков же и порядок большого мира; иными словами, субстанция простая и благородная не прилепляется прямо к телу, то есть к субстанции, носящей категории.

7. Доказательство. Движение субстанции, носящей категории, происходит во времени; время же подлечит вечности. Но Первый Действующий – превыше вечности. И потому вечность является посредником между ним и субстанцией. Вечность же – это вечность для вещи (которая является вечной) и мера для того, что обладает мерой¹⁸. В таком случае имеется некий посредник между Первым Действующим и субстанцией, носящей категории, мерю которого является вечность, то есть субстанция, носящая категории, не прилепляется непосредственно к Первому Действующему.

8. Как грубое прилепляется к тонкому лишь через посредника, подобно обоим своим пределам, и запечатлевает его лишь опосредованно, так и тело человека воспринимает запечатление рассудочной души лишь через посредничество жизненного духа¹⁹.

Точно так же человек получает разум лишь через посредничество рассудочной души, подобно способности зрения, которая прилепляется к телам лишь через воздух, и подобно всеобщей душе, которая прилепляется к телам лишь через <небесную> сферу, посредничающую между духовностью и телесностью. Одним словом, между субстанцией-носителем категорий и между Первым Действующим существуют посредничающие субстанции.

9. Если одни из тел более благородны, чем другие, и высшее из них благороднее в сравнении с низшим, то, следовательно, предел родов сущего в высшем наиболее благороден и крепок, а предел в низшем – наиболее ничтожен и слаб. И отношение высшего предела чувственно воспринимаемых вещей к высшему пределу умопостигаемых вещей соответствует отношению низшего предела чувственно-воспринимаемых вещей к их высшему пределу. Таково доказательство того, что простые субстанции являются посредниками между Первым Действующим и субстанцией-носителем категорий.

10. Простые субстанции сами по себе не ниспосылаются; ниспосылаются и простираются их силы и лучи. Ведь сущности всех субстанций удерживаемы в определенных им границах и не простираются бесконечно, но лучи их испускаются и выходят за их пределы, потому что они <зависят> от первого истечения, ниспосылаемого из воли. И это подобно свету²⁰, который ниспосылается из Солнца в воздух и простирается вместе с воздухом, в то время как Солнце само по себе не переходит своих границ; и подобно также <жизненной> душе, ниспосылаемой из рассудочной способности, жилище которой в мозгу, нервах и артериях, ибо эта способность проникает во все части тела и распространяется в нем, хотя субстанция души сама по себе не простирается и не распространяется. Это подобно каждой из простых субстанций; простираются ее лучи и ее свет, и <ими> она пронизывает то, что

ниже ее; в то же время сама субстанция остается недвижимой, пребывая на своей ступени, и не выходит за свои пределы.

11. Если низшие субстанции возникают из высших через истечение силы из вещи сильной, а не через истечение одной субстанции из другой, то из этого следует, что высшие субстанции не убывают с возникновением низших, что сила высших субстанций, ими отделяемая и ниспосылаемая, не убавляется, подобно тому как теплота огня не убавляется и не отделяется от него, хотя она и порождает теплоту в окружающем его воздухе. И теплота эта не является теплотой самого пламени, потому что огонь восходит, а теплота остается в воздухе, и потому что два под-лежащих²¹ различны, и потому что теплота, рождающаяся в воздухе, отлична от теплоты огня своей силой. Точно так же свет Солнца, распространяясь по земле, не убавляет носимого самим Солнцем света, хотя он и ниспосылается из него; и свет, распространяющийся по земле, не является светом, носимым самим Солнцем. Доказательством этому служит различие между двумя под-лежащими и двумя светами в силе и слабости.

12. Одним словом, первое истечение, объемлющее все субстанции, предопределяет истечение одних субстанций из других. Образ этого – Солнце, ибо оно эманурует само собою, то есть без посредника, и испускает свои лучи по этой же причине, то есть потому, что все подпадает под первую эманацию и все подчинено ей. И поскольку форма более тонка, чем материя, а тонкому свойственно проникать и погружаться в то, что противоположит ему, то и всякая форма должна проникать и погружаться в то, что противоположит ей.

13. Телесная субстанция не может изливаться свою сущность из-за сгущения количества и его темноты. Тем не менее количество изливает свою тень на тела, которые противоположат ему, пока не находит отполированное тело, чтобы ниспослать ему свою форму. Согласно этой аналогии, духовная субстанция, не замутненная количеством, более пригодна к изливанию своей сущности, своей силы и света.

14. Познав бесконечность простой субстанции и ее способности, внимательно изучив ее проникновение и погружение в вещь, которая встречается с ней и готова воспринять ее, и соотнеся ее с телесной субстанцией, ты найдешь, что телесная субстанция не может существовать во всяком месте и что она неспособна проникать в вещи. Ты увидишь, что простая субстанция, то есть субстанция всеобщей души, проникает во весь мир и погружена в него, как проникает в мир и погружена в него и субстанция разума. Причина этого тонкость каждой из этих субстанций, их сила, их свет. Поэтому субстанция разума погружается внутрь вещей и проникает в них. Следовательно, согласно этому примеру, Сила Господа – да будет Он прославлен и свят! – проникает во все и объемлет все, и действует во всем вне времени.

15. Так как эта субстанция – чувственно воспринимаемое и составное тело, то и запечатление духовной субстанции в ней чувственно воспринимаемое. Тем не менее оно не является ни исключительно телесным, ни исключительно духовным, но опосредует два предела, подобно росту, и ощущению, и движению, и цветам, и фигурам, воспринимающим запечатления простых субстанций в составных, ибо эти запечатления не являются ни телесными в безусловном смысле, ни духовными в безусловном смысле, так как постигаются чувствами. Из этого утверждения следует, что

все чувственно воспринимаемые формы в телесной субстанции суть запечатление умопостигаемой духовной субстанции. И сами эти формы чувственно воспринимаемы, потому что материя, восприимлющая их, близка по природе своей к телесности и потому что формы эти в умопостигаемой духовной субстанции являются более простыми, чем в материи.

Образом ниспосылания формы из простой духовной субстанции и ее запечатлений в телесной материи может служить свет, ниспосылаемый из Солнца, который погружается в воздух, проникает в него, оставаясь невидимым в нем из-за своей тонкости, пока не встретит тяжелое тело, как, например, землю. И тогда свет становится зримым для чувств, ибо он не проникает сквозь ее частицы и не рассеивается среди них, но, <наоборот>, останавливается на поверхности тела, собирая свою сущность и усиливая тем самым свою видимость.

Согласно этому образу, проникают друг в друга сияния простых субстанций, ниспосылаются одни из других, оставаясь невидимыми для чувств вследствие тонкости и простоты каждой из них, пока сияние не достигнет материи, и тогда свет становится зримым для чувств по причине плотности телесной субстанции.

Так восходит человек к знанию того, что все формы, носимые всеобщей материей, существуют в сущности силы, порождающей их, то есть воли, существованием более простым, чем в первой материи, восприимлющей их. Однако поскольку первая материя по природе своей отлична от сущности воли и в своем отношении к ней подобна телу, она запечатлевается в материи в видимом образе, подобно тому как видимо запечатлеваются в телах умопостигаемые субстанции. И, следовательно, воля извлекает то, что содержится в ее сущности, и дает это материи, подобно тому как умопостигаемые субстанции извлекают то, что содержится в их сущностях, и дают это телам. Однако воля действует вне времени и места, без движения и без орудия, а умопостигаемые субстанции действуют в противоположность этому. Стало быть, простые субстанции и, говоря в общем, все способные к действию субстанции действуют на то, что подлежит их действию, по причине Первого Действия, все движущего и во все проникающего. Такова суть проникновения Первой Силы и Первого Действия во все существующее, ибо если сила²² простых субстанций и, вообще говоря, сила всего существующего ниспосылается, погружается и проникает во все, то сколь же превосходящий по силе Первый Действующий – да святится Он и да будет благословен! – всесущий и всепроникающий!

16. Всякое действие <происходит> из духовной способности, а всякое восприятие – из телесной. И если субстанция действует как всецело восприимлющая, то она духовная и телесная одновременно. Если же одна часть ее действующая, а другая восприимлющая, то она отчасти телесная, а отчасти духовная и в таком случае из нее не исходит порядок действия.

17. Доказательство. Всякая духовная субстанция обладает формой и является тонкоорганизованной. А всякая тонкоорганизованная вещь ниспосылает и изливает свою форму. В таком случае духовная субстанция ниспосылает и изливает свою форму.

Это следствие приемлем как предпосылку и скажем: из духовной субстанции ниспосылается и истекает ее форма. В свою очередь, форма, которая изливается и ниспосылается какой-либо вещью, отражается на том,

что противолежит ей и принимает ее. Отсюда следует, что форма духовной субстанции отражается на том, что противолежит ей и что принимает ее.

Составим с помощью полученного следствия такую посылку. Если форма чего-либо отражается тем, что восприимлет ее, то эта форма проникает в то, что ее восприимлет, и охватывает его. Следствие здесь будет заключаться в том, что форма духовной субстанции проникает в субстанцию, носящую категорию, и объемлет ее.

Затем предположим это следствие <дальнейшим рассуждениям>. Форма духовной субстанции проникает в субстанцию-носительницу категорий и охватывает ее. И форма, носимая субстанцией-носительницей категорий, <также> проникает в нее и объемлет ее. Отсюда следует, что форма, носимая субстанцией-носительницей категорий, есть форма духовной субстанции.

18. <Иное> доказательство. Все то, что восприимлет многие формы, не имеет, в сущности, единой формы, свойственной ему. А простые субстанции – как разум, душа, природа, материя – восприимлют многие формы. В таком случае ни у одной из них нет единой формы, свойственной им.

19. <Иное> доказательство. Разум и душа хранят знания о всякой вещи. Знание же – это пребывание формы познаваемого в душе и разуме. И если разум и душа содержат форму всякой вещи, то все эти формы существуют там в объединении. Если же все формы объединяются в разуме и душе и объединение осуществляется через подобие, то эти формы подобны разуму и душе.

20. <Иное> доказательство. Чувственно воспринимаемые вещи существуют в душе простым существованием, то есть их формы пребывают в них без своих материй²³. Формы вещей существуют в разуме <еще> более простым существованием, и существование их в нем более общее. Отсюда вытекает, что все низшие формы содержатся в высших, ступень за ступенью, пока не будет достигнута всеобщая форма, содержащая в себе все формы. Однако высшие формы не пребывают вместе, а низшие – пребывают; первые объединены единством духовной субстанции, вторые разделены разделением телесной субстанции.

21. Ты спросишь: “Если низшее подобно высшему и если низшее находится в высшем, то как возможно, чтобы десять телесных родов²⁴ пребывали в простой духовной субстанции?” <Отвечу> Рассмотрим нижний предел сущего, то есть каждый из десяти родов, и исследуй также высший предел сущего. И тогда для каждой из десяти категорий, существующих в нижнем пределе, ты обнаружишь то, что соответствует ей в высшем пределе. Ты найдешь: 1) что всеобщая материя соответствует²⁵ “субстанции”; 2) что “количество” соответствует форме разума, а также единствам, существующим в формах субстанций; что семь его видов²⁶ соответствуют числу “семи” простых субстанций, то есть материи, форме, разуму, душам²⁷ и природе, а также числу способностей каждой из этих субстанций²⁸. Ты найдешь: 3) что “качество” соответствует отличиям этих субстанций от этих форм; 4) что “отношение” соответствует их существованию как причин и следствий²⁹; 5) что “время” соответствует вечности; 6) что “место” соответствует степеням этих субстанций в их предшествовании и последовании; 7) что “положение” соответствует ношению <одних другими>; 8) что “действие” соответствует запечатлению этих субстанций, а также тому, что производит и порождает³⁰; 9) что “страдание” соответствует тому, что

получает запечатления от субстанций и воспринимает действие произведения³¹; 10) наконец, что "обладание" соответствует существованию всеобщей формы во всеобщей материи, а также существованию каждой из форм простых субстанций в носящей ее материи и что оно соответствует существованию в каждой из этих субстанций свойственных ей способностей.

Следовательно, формы составной субстанции ниспосылаются из форм простых субстанций.

22. И эти формы становятся телесными и пребывают в этом качестве из-за своего прилепления к телесной субстанции. Они подобны белой ткани, тонкой и чистой; ибо когда она присоединяется к телу черному и красному, то окрашивается в его цвет, изменяется для восприятия чувств, хотя не является таковой сама по себе.

23. Свойство формы – следовать за материей и отпечатываться на ней, воспринимая фигуру. А поскольку материя сама по себе является телесной, то и форма, отражающаяся на ней от духовной субстанции, также становится телесной.

Следующее свойство формы – проникать и погружаться в материю, восприимлющую ее, когда та готова ее принять (из-за проникновения первой формы, собирающей все другие формы, и погружения ее в первую материю). Но если материя является плотной, форма бессильна проникнуть в нее и распространиться в ней. Тогда уплотняется сущность формы, не рассеиваясь и становясь зримой для чувств, потому что таким образом она обретает телесность и видимость. И наоборот, когда рассеивается ее сущность, то она уточняется и сокращается от чувств.

Вывод, постигаемый из этого примера, состоит в следующем: духовные формы отражаются на телесной материи; видение же телесных форм в телесной материи представляет собою отражение света телами и видение цветов тел.

24. Поскольку душа пребывает между субстанцией разума и чувством, то, склоняясь к чувству, она лишена понимания того, что есть в разуме. Точно так же, склоняясь к разуму, она лишена понимания того, что есть в чувстве, ибо каждый из двух пределов отделен от другого, и, обращаясь к одному, она тем самым отвергается от другого.

25. Идея, постигаемая разумом из существования всех чувственно воспринимаемых форм в форме души, заключается в объединении всех форм в ее форме; иными словами, форма души по своей природе и по своему бытию – это сущность, собирающая сущность всякой формы сущностным собиранием в том смысле, что все формы объединены в идее формы. Ведь все они суть формы, и идея формы – общая для них³². Идея формы объединяется с формой души, ибо обе они являются формами. Отдельные же формы, то есть все чувственно-воспринимаемые <формы>, объединяются во всеобщей форме – собирательнице для всех других форм. Последние объединяются в форме души, подобно объединению всеобщей формы, собирающей их, с формой души³³.

26. Эти формы в субстанции души посредничают между телесными формами, носимыми составной субстанцией, и духовными формами, пребывающими в субстанции разума. Доказательство этому в том, что субстанция разума постигает во всех вещах бытие, иначе говоря, простую единую форму, а именно роды и виды. Субстанция же души постигает и иное,

чем бытие³⁴, то есть отличия, свойства, акциденция, приобретенные от чувств. И поэтому если ты захочешь узнать, "что такое" вещи, то душа прилепится к разуму и объединится с ним, чтобы он дал ей простое бытие.

И когда душа прилепляется к разуму, то форма его уподобляется форме души, поскольку род бытия и отличие существуют в форме души; ведь отличие – это иное, <чем бытие>. Одно уподобляется другому, говоря иными словами, род, пребывающий в разуме, уподобляется отличию, пребывающему в субстанции души. И тогда "чувствует" душа, "что такое" вещи, через прилепление простых <элементов> "что такое", то есть рода и отличия, к ее сущности. Так восполняется ее знание "что такое", то есть постигается определение вещи.

27. Как полагают многие, формы проходят в душу, подобно прохождению света в воздухе, лишь тогда, когда они являются субстанциальными в ней. Ибо, если бы формы в душе не были субстанциальными, они не объединялись бы в ней и не переходили бы в действие³⁵. Таким образом, субстанция души принимает разумную форму из субстанции разума во сне своем "душевно"³⁶, то есть воображаемо. После же пробуждения она видит форму телесно и материально³⁷. И поэтому воображение уподобляет все низшее высшему, пока, таким образом, не будет достигнута первая материя – носительница всего.

Низшие из существующих <вещей> облачаются в свет высших из них, все же облачается в свет Первого Действующего – да святится Он и да будет благословен! Запечатление высших на низших в растении проявляется в движении его роста, питания и размножении. Запечатление, воспринимаемое от природы, – это притяжение, сохранение, преобразование и выталкивание³⁸. Запечатление, воспринимаемое от растительной души, – это произведение и увеличение.

28. Действие природы слабее, чем действие растительной души. Ибо растительная душа движет тело во всех его пределах, но не так <движет его> природа. Запечатление, воспринимаемое от жизненной души, – это чувство и движение; она движет все тело целиком и полностью, передвигает его в пространстве, а растительная душа движет лишь части тела.

29. Превосходство жизненной души над растительной в том, что первая прилепляется к формам тел, подобным ей в тонкости, и воспроизводит их телесные формы. А растительная душа прилепляется к сущностям тел, уподобляясь им в плотности через приближение к ним и их осязание.

30. Действие жизненной души заключается в чувственном восприятии форм плотных тел во времени, в движении в пространстве и в возвышении голоса и тона³⁹, но без порядка, разъясняющего смысл.

Действие же рассудочной души – это восприятие умопостигаемых форм, движение <ее> в умопостигаемых <вещах> вне времени и пространства и возвышение голоса и тона в порядке и последовательности, указывающем на смысл.

Наконец, действие ума – это постижение всех умопостигаемых форм вне времени и пространства, не испытывая потребности и недостатка в чем-либо ином, помимо его собственной сущности, ибо он – цельный и совершенный.

31. Надлежит тебе знать, что созерцание простых субстанций и понимание того, чего можно достичь в их познании, – это великий покой и великое наслаждение для рассудочной души. Если душа способна к их познанию, к странствию по ним, пониманию их форм и свойств, к распознаванию их

запечатлений и воздействий – она будет способна и к познанию “Риббонут”⁴⁰, то есть Божественности, и к прилепению к Ней. Поэтому стремись к созерцанию простых субстанций как к конечной цели твоих устремлений, а наиболее всего – к созерцанию субстанций души и разума, ибо они носят все вещи и форма каждой вещи пребывает в них.

32. По мере того как понижаются простые субстанции, они становятся все более грубыми, пока наконец не обретут телесности и не остановятся в своем движении. Таковы точно и составные субстанции⁴¹. А разве возможно, чтобы ослабевала Божественная Сила, изменялась и становилась телесной и чтобы действие Первого Действующего – да святится Он! – в одних субстанциях проявлялось в большей мере, чем в других? Ведь Божественная Сила – это <высший> предел всякой силы, ее полнота и предел всякой возможности!

33. Нет, невозможно, чтобы ослабевала Божественная Сила. Однако, устремляясь к Ней, <иные> силы поднимаются ввысь и низшее становится тенью. Принятие материей формы из Действующей Силы происходит в соответствии с готовностью материи к этому. И если она готова к восприятию единой формы, совершенной и неизменной, то не ослабевает сила оттого, что она произвела это. И следует тебе приписать изменение в силе не сущности самой силы⁴², но сущности вещи, восприимлющей ее действие. Когда материя близка к источнику, она в большей мере восприимлет его действие, чем в отдалении от него.

34. Если пожелаешь представить все это за одно мгновение, поднимись от низшего к высшему. Ты увидишь тогда бытие более тонкое, более простое и более крепкое объединением – будет ли это материя, форма или движение. И положи явленное как доказательство сокрытого и уподобь составное простому, а действие – причине; когда ты сделаешь это, ты достигнешь того, что искал.

35. Возьми за образец всеобщее тело, <рассматриваемое> в безусловном смысле, потому что именно таково оно; ведь низшее – это образ высшего. И когда ты исследуешь строение тела, <взятого> в безусловном смысле, и порядок его частей, тебе будет легче представить порядок простых субстанций и их последовательность.

36. Соотнеси первую материю с противоположащей субстанцией, носящей все формы тела, поскольку материя <также> носит все формы, а субстанцию разума – с противоположащим ей количеством, поскольку разум обладает двумя способностями и потому случается в нем различие. Соотнеси также субстанцию души с противоположащей ей фигурой, объемлющей количество, а субстанцию природы установи напротив цвета; ведь она – последняя из частей тела, как и природа – последняя из простых субстанций, и к тому же возникновение цвета берет от нее начало.

По мере того как зрение проходит цвет и погружается в фигуру, в количество и в субстанцию, сокрывается от него бытие и утаивается по причине своей тонкости. По мере же того как оно возвращается от субстанции и входит в количество, из количества – в фигуру, из фигуры – в цвет, бытие уплотняется тогда и по этой причине обнаруживает себя. Подобно этому, и от разума, по мере погружения его в то, что следует после субстанции-носительницы категорий, то есть в духовные субстанции (до тех пор, пока он не достигнет <первой> материи, соответствующей субстанции), сокрывается бытие и утаивается по причине своей тонкости. А по мере того,

как он возвращается от материи и идет к ближайшей из субстанций, бытие становится видимым и обнаруживается по причине своей плотности. Этот пример поможет тебе представить последовательность духовных субстанций в их степенях.

37. Одним словом, если захочешь представить себе эти субстанции и то, как распространяется в них твоя сущность, как она охватывает их, нужно мысль свою обратить к последнему умопостигаемому <бытию>, омыть и очистить ее от загрязнения чувственно воспринимаемых <вещей> и освободить из темницы природы. Благодаря способности своего разума достигнешь ты предела того, что дано тебе постичь в истинной умопостигаемой субстанции, так что ты снимешь с себя покров чувственно воспринимающей субстанции и как бы забудешь ее. И тогда ты охватишь собою весь телесный мир, поместишь его в одном из закоулков своей души; потому что, когда ты сделаешь это, ты обозришь малую долю чувственно воспринимаемого в сравнении с величием умопостигаемого. И тогда духовные субстанции окажутся в твоих руках и предстанут перед твоими глазами. И ты увидишь, что они объемлют тебя и пребывают над тобою. Время от времени ты будешь считать себя частицей их из-за связи твоей с телесной субстанцией; иногда же подумаешь, что ты – одно целое с ними и нет различия между ними и тобою, потому что сущность твоя объединится с их сущностями и форма твоя прилепится к их формам. А если возвысишься до степеней умопостигаемых субстанций, то обнаружишь, что чувственно воспринимаемые тела в сравнении с ними предельно малы и незначительны, а телесный мир плавает в них, словно корабль в море или птица в воздухе.

38. Если же поднимешься ты ко всеобщей материи и найдешь себе прибежище в тени ее, увидишь там чудо из чудес. Будь же прилежным и прилагай к этому усилия, ибо это и есть цель, к которой устремляется душа человеческая, и там пребывает могучее наслаждение и великое счастье.

39. Воля, то есть сила, производящая эти субстанции, конечна в действии и бесконечна в сущности. Воля конечна со стороны действия, потому что действие ее имеет начало. Однако для субстанции разума все обстоит наоборот, а именно она имеет начало, поскольку сотворена, но не имеет конца, так как является простой и вневременной.

40. Рассмотрю прилепение света к воздуху, души к телу, разума к душе, одних частей тела (то есть фигуры, цвета, количества и субстанции) к другим и порядок их связи. Вывод, извлекаемый из этого рассмотрения, таков: объединение акциденции с телом, объединение акциденции с душой и души с телом – доказательство объединения духовных субстанций друг с другом, а также того, что объединение возрастает по мере того, как утончается телесность.

41. Эти простые субстанции называются “сферами”, или “кругами”, потому что одни из них превьше других и одни из них окружают другие. Идея этого окружения подобна окружению носителем носимого, причиной – следствия и познающим – познаваемого.

42. Рассмотрю природную способность, и ты найдешь, что она объемлет собою тело, ибо действует в нем, и тело претерпевает ее воздействие и облачается в нее. Рассмотрю растительную душу, и ты обнаружишь, что она действует в природе и управляет ею; ты увидишь также, что природа удерживается ею и получает ее запечатления. Таковы же разум и рассудочная

душа – каждый из них объемлет те субстанции, что находятся под ними, постигает их, погружается в них и управляет ими, а наиболее всего – субстанция разума в силу своей тонкости и совершенства. И возьми как доказательство все эти отдельные субстанции, ибо одни из всеобщих субстанций точно так же объемлют другие и все они объемлют составную субстанцию, как душа объемлет тело и разум объемлет душу. Иными словами, низшая из этих субстанций установлена в высшей, носящей ее и представляющей ее себе⁴³; всеобщая же душа носит весь телесный мир и представляет все то, что в нем. И тогда ты увидишь, что все это подобно тому, как наши особенные души носят наши тела и представляют себе их, видя все то, что в них. И в гораздо большей степени это относится к всеобщему разуму сообразно с его совершенством, всеохватностью и благородством субстанции. Подобным образом разъясняется характер знания Первого Действующего – да будет Он свят и благословен! – по отношению ко всем родам бытия, а также то, каким образом все вещи заключены в Его знании.

43. Отсюда ясно, что постигаемая разумом идея окружения духовной субстанцией телесной состоит в том, что телесная субстанция пребывает в духовной и удерживается ею⁴⁴, подобно тому как все тела пребывают в теле сферы и удерживаются им. Возвращение духовной субстанции к себе самой – через постоянство и непрерывность – подобно возвращению сферы к себе самой – через перемещение и вращение.

44. Если ты пожелаешь представить себе строение всего, то есть всеобщее тело и духовные субстанции, объемлющие его, рассмотри строение человека, ибо в нем для тебя аналогия. И заключена она в том, что тело человека соответствует всеобщему телу; духовные субстанции, движущие его, соответствуют всеобщим субстанциям, движущим всеобщее тело; низшие из этих субстанций служат высшему из них и подчинены ему, пока, таким образом, движение их не достигнет субстанции разума. Тогда обнаружишь ты, что разум руководит и управляет ими, что все субстанции, приводящие в движение тело человека, следуют за ним и подчинены ему и он – их господин и судьба.

Так откроется тебе великая тайна и возвышенное дело, суть которого в том, что движение низших из всеобщих субстанций происходит по причине движения высших и поэтому они подчинены им, и так вплоть до того, как движение достигает наивысшей субстанции. И откроется тогда, что все субстанции служат ей, подчинены ей, следуют за ней, придерживаясь ее повелений.

И я думаю, что порядок отдельной души следует за порядком всеобщего мира. А это – путь, ведущий к полному счастью и достижению истинного удовольствия, которое и является нашей целью.

Книга четвертая (извлечения)

1. Если низшее ниспосылается из высшего, то в таком случае все то, что существует в низшем, должно существовать и в высшем. Иными словами, телесные сферы соответствуют духовным и ниспосылаются из них. И если телесные сферы обладают материей и формой, то ею с необходимостью обладают и духовные.

Доказательство того, что духовные субстанции имеют общую материю, а различаются формой, в следующем: если действия этих субстанций различны, то, без сомнения, различны и их формы. Но это не означает, что материи духовных субстанций также различаются, потому что все они являются простыми и духовными и что различие существует в форме, а простая материя сама по себе формы не имеет.

2. Ты должен представить себе, что все духовные формы составляют единую форму и не имеют различий сами по себе, ибо все они – духовные и совершенные. Но от материи, носящей их, выпадает в них различие. Если она близка к совершенству, то является тонкой и форма, носимая ею, предельно проста и духовна и наоборот.

Образ этого – свет Солнца. Этот свет един сам по себе; и если он встречает воздух чистый и тонкий, то проходит сквозь него и видим в нем противоположно тому, что видится в воздухе мутном и непрозрачном. Таким же будет и рассуждение о форме.

3. Поскольку простые субстанции выше, чем составные, и образованы из материи и формы, постольку низшие исходят из высших, являясь их образом. Ибо если низшее исходит из высшего, то из этого следует, что степени телесных субстанций соответствуют степеням духовных. Подобно тому как телесная субстанция упорядочена в три уровня – а именно в плотное ядро, тонкое тело и материю и форму, из которых она составлена, – и духовная субстанция упорядочена также в три уровня. Первый – духовная субстанция, следующая непосредственно за телесной субстанцией; второй – духовная субстанция, которая более духовна, чем первая, и наконец, материя и форма, из которых она составлена.

4. Доказательство того, что высшее существует в низшем, в том, что высшие <вещи> дают низшим свои имена и свои определения⁴⁵ и что разум отделяет формы от телесности. Этим доказывается также, что формы, носимые составной субстанцией, ниспосылаются из простых субстанций.

5. Если возможно, чтобы составное было простым, то возможно, чтобы простое было составным⁴⁶. Ведь составное является простым по отношению к тому, что ниже его, а простое может быть составным по отношению к тому, что выше его.

6. И если отдельный разум составлен из материи и формы, то и всеобщий разум составлен из них же. Мы судим о существовании всеобщего разума, исходя из существования отдельного разума⁴⁷. И поскольку мы выяснили, что каждая из простых субстанций составлена из материи и формы, то и разум составлен из них же. Поэтому следует рассмотреть сочетание материй этих всеобщих субстанций и расположение одних из них относительно других, сочетание форм этих субстанций, расположение одних из них относительно других и, наконец, <рассмотреть точно так же> материи умопостигаемых субстанций и их формы.

Упорядочив материи умопостигаемых субстанций и их формы относительно друг друга и установив единство частей духовной материи, можно рассмотреть сочетание духовной материи с телесной и сочетание духовной формы с телесной. Тогда станут едиными для нас части всеобщей материи и всеобщей формы. А когда будет установлено единство всеобщей материи и всеобщей формы, мы рассмотрим каждую из них по отдельности.

7. Материя не может существовать как лишенная формы, ибо существование вещи – в ее форме. Доказательством здесь служит то, что сущее может быть либо умопостигаемым, либо чувственно воспринимаемым. А чувство и разум могут прилепляться лишь к форме чувственно-воспринимаемой или умопостигаемой.

Причина же этого в том, что чувственно воспринимаемые и умопостигаемые формы – суть перегородки между формами разума и души и между материями, носящими чувственно воспринимаемые формы, и материями, носящими умопостигаемые формы. Поэтому формы прилепляются к материи лишь посредством самих себя, ибо прилепляются они, лишь встречаясь друг с другом, уподобляясь при этом друг другу и обретая общий род.

8. Но вернемся к тому, что является предметом нашего исследования. Он <заключается> в том, что в умопостигаемом существуют лишь материя и форма. Мы уже выяснили, что низшее ниспосылается из высшего. Отсюда следует, что чувственно воспринимаемые сферы ниспосылаются из умопостигаемых. А из этого, в свою очередь, вытекает, что умопостигаемые сферы составлены из материи и формы, подобно тому как из материи и формы составлены чувственно воспринимаемые сферы. Ясно поэтому, что духовная субстанция не может быть только материей или только формой; она должна быть составлена из них обеих. Ты поймешь, что умопостигаемые субстанции, с одной стороны, имеют <ничто> общее, а с другой – различаются. Следовательно, они согласуются в материи, а различаются в форме. Так станет тебе ясным, что Творец всех вещей с необходимостью должен быть только один, при этом Творец с необходимостью отличен от сотворенного. А если бы Он создал бытие, которое было бы только материей или только формой, то оно было бы подобно <бытию> “единицы” и между ними не было бы посредника, ибо “двоица” – под “единицей”⁴⁸.

9. Ты уяснишь также, что вещи и не различаются со всякой стороны, и не согласуются со всякой стороны. Но <различаются они> с той стороны, что каждая умопостигаемая вещь разделяется на две вещи, а именно на признак (“то’ар”) и на то, что описывается этим признаком (“мету’ар”)⁴⁹; а также с той стороны, что разум постигает лишь ту вещь, которая обладает материей и формой. Доказательством здесь служит то, что последнее, к чему приходит разум, – это постижение рода⁵⁰ и отличия. Этим доказывается также, что материя и форма являются пределом вещей, что разум, познав вещь, объемлет ее в том смысле, что она имеет свой предел. Но предел вещи может существовать лишь в ее форме, ибо то, что не имеет предела, не имеет и формы. В таком случае первоначальная субстанция беспредельна, поскольку не имеет формы.

10. Общий вывод из сказанного таков: если часть – от <природы> всего, то тогда, без сомнения, части вещей – от <природы> их всеобщности. И если части <составлены> из материи и формы, то все также <составлено> из материи и формы.

11. То, что все вещи составлены из материи и формы, подтверждается также тем, что тело, упорядоченное в низшем пределе, составлено из материи и формы, то есть что оно является субстанцией, обладающей тремя измерениями. И если все сущее прилеплено друг к другу и простирается от высшего предела до низшего, а низший предел составлен из материи и формы, то отсюда ясно, что все сущее, от низшего предела и до высшего, составлено из материи и формы.

12. Установи <существование> трех <видов> материи. Это, во-первых, материя простая духовная, и не может быть материи более простой. Она та, что не облекается в форму. И во-вторых, материя составная телесная, и не может быть <материи> более сложной по составу⁵¹. В-третьих, это посредник между ними⁵². Утверждение, что первая материя не облекается в форму, означает: материя, которая облеклась в форму, есть <материя> духовная и простая; но она иная, чем материя, которая не облекается в форму...

14. Как мы установили, всякая низшая субстанция является формой для субстанции более высокой, а всякая высшая субстанция есть материя, носительница низшей субстанции: этот ряд последовательно простирается до тех пор, пока не дойдет до абсолютно простой первой материи. И эта первая материя как носительница всего едина. Но поскольку всякая субстанция, выступающая материей для того, что находится ниже ее, в то же время есть форма для того, что находится выше ее, то отсюда вытекает следующее. Хотя все субстанции суть носительницы других (и более тонкие среди субстанций служат носительницами для более грубых), они вместе с тем суть формы, носительницей которых выступает первая материя. Отсюда следует вывод, что субстанции различаются лишь благодаря форме, а не из-за материи: ведь формы многочисленны, в то время как материя едина.

15. Первая материя-носительница едина в том смысле, что она скрепляет между собою чувственно воспринимаемые и умопостигаемые материи, пока все они не станут одной материей. А коль все имеют одну материю, то, следовательно, свойства последней существуют во всем. Подробно изучая все субстанции, ты обнаружишь, что свойства первой материи и ее запечатления существуют во всех них, ибо ты увидишь, что тело – это субстанция, носящая много различных форм; еще в большей степени <являются таковыми> природа и жизненные души⁵³, ибо они суть те, что запечатлевают формы на теле. И еще в большей мере таковы рассудочная душа и разум, ибо все формы пребывают в них.

Говоря в общем, каждая из субстанций по мере возрастания становится более упорядоченной и собирает все больше форм и все более уподобляется первой материи, носящей все формы (по сравнению с субстанциями, упорядоченными ниже). Рассмотрев это с точки зрения проникновения данных качеств в субстанции, их распространения, упрочения и утверждения в субстанции по мере повышения ее уровня и приближения к высшему пределу, можно уяснить, что эти свойства ниспосылаются и приходят из первой всеобщей материи, общей для всех субстанций, окружающей их и дающей им имя и определение. И если уразумеешь ты, что все множественные вещи ищут единения, тем самым тебе станет ясно, что материя-носительница всего едина. Ведь множественные части не искали бы единения, если бы не было единым все, удерживающее их и устанавливающее их.

16. Так как все роды сущего различаются формой, а все то, что различается формой, должно согласовываться в материи, то материя всего сущего – материя единая. Сравнив всеобщую форму и всеобщую материю, которая едина, ты узнаешь, что первая устанавливает сущность второй. В таком случае сущность каждой из них неизбежно обусловлена сущностью другой.

17. Материя не может существовать без формы, как и форма без материи не может существовать и мгновения. Эта зависимость убедительно доказывает, что сущность каждой из них обусловлена сущностью другой.

Рассмотри свойства единства – и ты найдешь, что они скреплены с формой; ведь единство устанавливает множество, удерживает его, дает ему бытие, объемлет его, существует во всех его частях, носимо вещью, находящейся под ним, и пребывает выше ее. Этими же свойствами обладает форма, так как форма устанавливает сущность того, в чем она находится, дает ему бытие, удерживает и объемлет его, существует во всех его частях, носима материей, подлежащей под ней, и пребывает выше материи; материя ниже ее.

18. Неправильно говорить, что единство есть корень всего, потому что единство является формой, а все – это не только форма, но форма и материя. Правильно говорить, что корень всего – это “троица”; “единица” – здесь соответствует форме, а “двоица” – материи.

Я уже разъяснил тебе, что свойства “единицы” находятся в форме, а именно форма устанавливает материю, оформляет, охватывает ее, существует во всех ее частях и носима вещью, подлежащей под ней. Существование свойств “двоицы” в материи обусловлено следующим: 1) “Двоица” подлечит под “единицей”, и “единица” выше, чем она. А материя также подлечит под формой, и форма выше, чем она. 2) Форма едина, “двоица” же – это делимое множество. Материя также умножается и делится, потому что она – причина множественности вещей и их делимости, поскольку под-лежащее пребывает на уровне “двоицы”. 3) Свойство формы одно, и заключается оно в установлении сущности <вещи>. Свойств же материи два. Одно – это ношение формы: оно сообразуется со свойством формы, а именно через ношение материей формы и через установление формой сущности материи устанавливается сущность всякой вещи и восполняется ее природа. Это свойство приходит в материю от первой единицы, соответствующей “единице” формы. Под “единицей” я имею в виду половину “двоицы”, которую мы противопоставили материи. Второе же свойство материи – делимость и множественность, ибо форма дробится и умножается через материю. Это свойство приходит в материю от второй единицы, то есть от <второй> половины “двоицы”, присоединенной к первой единице. От этого присоединения и образуется “двоица”, через бытие которой и существует разделение и множественность. 4) Материя разделена прежде всего на две части, в соответствии с природой “двоицы”; я имею в виду, что <она разделена> на материю простых субстанций и материю составных субстанций и именно благодаря этому достигает ее свойство “двоицы”.

Итак, мы выяснили, что форма – в степени “единицы”, материя – в степени “двоицы”. А если дело обстоит так и если материя и форма являются корнем всего, то, следовательно, “троица” – это корень всего.

19. Форма разума подобна форме “единицы”, так как разум постигает одну предпосылку⁵⁴; форма же души подобна “двоице”, так как она движется от посылок к выводам и от тождественного – к иному⁵⁵. А форма жизненной души подобна “троице”, так как она постигает тело, обладающее тремя измерениями, посредством трех вещей: фигуры, цвета и движения. Далее, форма природы подобна “четверице”, так как природа обладает четырьмя способностями⁵⁶.

Говоря в общем, созерцая роды сущего, ты обнаружишь, что они устроены согласно природе числа и упорядочены в соответствии с ним и что все они подпадают под форму разума, которая является единством,

поскольку всякое число подпадает под единство. Именно поэтому форма разума и его сущность собирают и объемлют всякую вещь.

20. Отсюда следует, что всеобщая форма является запечатлением Истинного Единого⁵⁷ – да прославится Он! – которое распространяется во всей материи и объемлет ее. А так как Первое Единство едино в истинном смысле и действует само по себе (то есть его действие не обусловлено другой вещью), то, стало быть, здесь существует <иное> единство, которое следует непосредственно за Первым и является первым из счисляемых единств. Это – всеобщая форма, устанавливающая сущность всеобщности видов: я имею в виду всеобщий вид, дающий сущность каждому виду; и все виды равно сопричастны его идее. Ибо не может не обладать формой, устанавливающей его сущность, каждый из видов субстанций, простых и составных. И идея, полагающая их всех, – это всеобщая форма, то есть единство, непосредственно следующее за Действующим Единством. И потому мы скажем, что форма удерживает материю и устанавливает ее; ведь форма являет собой единство, а единство – это то, что держит все и устанавливает его, поскольку собирает сущность всего, в чем оно <пребывает>, и объединяет его (а именно удерживает его от разделения на части и умножения). Когда нечто делится на части, его становится больше. Следовательно, единство включает в себя всякую вещь и существует во всякой вещи.

21. Всеобщность формы распространяется во всеобщности сущности материи, погружается во все ее части; <она> подобна свету, который погружается во всеобщность субстанции тела и проходит сквозь нее, и подобна количеству, которое распространяется в субстанции и погружается в нее.

22. И различие и разделение форм происходит не из-за формы самой по себе, но из-за носящей ее материи. Ибо если здесь есть Первое Совершенное Единство, не делящееся и действующее само по себе, то отсюда с необходимостью следует, что должно существовать и единство, непосредственно следующее за ним, хюлическое⁵⁸ и делящееся; и это – всеобщая форма, носимая всеобщей материей. Отсюда следует, что это единство будет умножаться и делиться именно благодаря материи, носящей его, хотя оно само по себе является единством. Оно неизбежно будет хюлическим, поскольку следует за Первым Совершенным Единством, а говоря точнее, порождено им. А так как это единство, то есть всеобщая форма, хюлическое, то оно обладает способностью делиться в силу материи, носящей его, а не из-за себя самого.

Доказательство же этого заключается в следующем. Так как форма – это совершенный свет и ее деление и множественность с необходимостью вызывают ослабление света, который распространяется в материи, его мутность и плотность (говоря в общем, отличие середины его (света!) от начала и конца от середины) и так как здесь нет ничего иного, помимо материи и света (то есть формы), который распространяется в ней, то ясно, что ослабление, плотность, мутность, говоря в общем, темнота, которая случается со светом, распространяющимся в материи, воистину возникает из-за материи, а не из-за формы самой по себе. По этой же причине одни субстанции являются более знающими⁵⁹ и более совершенными, чем другие, а именно по причине степени мутности и плотности хюлической материи, а не

по причине формы самой по себе: ведь знание и распознавание принадлежат форме, а не материи.

Форма – это совершенный свет, материя же – наоборот. По мере того как утончается и возвышается материя из-за того, что свет проникает в нее, она становится более знающей и совершенной, подобно разуму и душе, и наоборот: по мере понижения материя уплотняется, удаляясь от распространяющегося в ней света. Это подобно воздуху: чем дальше воздух от <способности> зрения, тем слабее ее проникновение в него; из-за удвоения слоев воздуха и их умножения она не может достигнуть видимых форм, находящихся позади них. Потому-то и становится воздух телесным, превращаясь в преграду между зрением и видимым. И наоборот, чем более приближен он к способности зрения, тем в большей мере оно пронизывает его и прорывает его. Точно так же обстоит дело и со светом, который распространяется в хюлической материи: по мере понижения она становится телесной и свет не проникает в нее полностью.

То же самое можно сказать о всех частях материи, а именно: невозможно, чтобы свет проникал в нижние ее части точно таким же образом, как и в верхние. Истинный смысл утверждения этого в том, что вещь, если она прозрачна, в большей степени сохраняет свой род, она более сильная и более доступна зрению; если же смешивается с вещью <нечто> иное, оно воздействует на нее, изменяя ее прозрачность и чистоту. Таков же и свет, который распространяется в материи; ибо то, что совершенно прозрачно и чисто от материи, является более совершенным и сильным. Точно так же все то, что смешивается с прозрачной частью материи, в большей мере сохраняет свой род и является более сильным и прочным, чем то, что смешивается с плотной ее частью.

Все это доказывает, что изменение в свете, который распространяется в материи, происходит из-за материи, а не из-за света самого по себе. Это свет Солнца, который смешался с тьмою или с тонкой белой тканью, в которую облакают черное тело. Ее белизна становится невидимой из-за возобладания черноты или же она подобна свету, который проходит через три сосуда из стекла, и при этом второй сосуд ослабляет свет по сравнению с первым, а третий <еще более> ослабляет по сравнению со вторым. Ясно, что это происходит не из-за слабости света самого по себе, но из-за сосудов: именно они препятствуют прохождению света и задерживают его, будучи телесными и плотными.

Следовательно, несовершенство форм субстанции и их разделение обуславливается не светом самим по себе, но телесной материей при ее соединении с формой. А если так, то свет сам по себе – вещь единая. Тем не менее он может стать мутным, подобно тому как это случается со светом, проходящим через сосуды, или со светом Солнца, распространяющимся в непрозрачном воздухе.

23. Все низшие формы существуют в высших. Субстанция по мере своего возвышения и утончения в большей мере собирает формы и объемлет их. Подобно этому и субстанция, будучи тонкой, носит количество, а также и фигуру и цвет, которые содержатся в нем. В свою очередь, чувственная душа, будучи более прозрачной, чем субстанция, воспринимает формы чувственно воспринимаемых вещей и носит их по причине тонкости своей субстанции и тонкости чувственно воспринимаемых форм. Точно так же и рассудочная

душа – носитель сущности всех форм, что содержатся в ней; разум – носитель всех форм, которые ниже его, а первая всеобщая материя безусловно носитель формы всего.

24. Сам телесный составной мир – образ духовного простого мира. Низшие из простых миров являются образами высших, пока, таким образом, не достигнут мира простого в истинном смысле. И возьми за образец некоторые телесные формы, видимые наяву, ибо эти телесные формы – образ душевных форм, постигаемых во сне. Точно так же душевные формы, постигаемые во сне, – это образ невидимых разумных форм.

25. И если это так, то, следовательно, низшие формы ниспосылаются из высших форм; форма телесных субстанций находится в форме природы, а форма природы – в форме души, а форма души – в форме разума.

26. Доказательство того, что чувственно воспринимаемые формы сокрыты в умопостигаемых формах, – видение фигур и цветов в животном, растении, в неживом посредством запечатления в них души и природы, а также видение окрасок и фигур – одним словом, видение всяких искусственных форм <исходит> от запечатлений рассудочной души. И если мне возразят, что, возможно, эти формы возникают в составных <субстанциях> из скопления элементов согласно <определенному> отношению, а не через запечатления простых субстанций, то я скажу: если бы эти цвета и фигуры возникали из элементов, то они всегда существовали бы в том, что составлено <из них>, одним и тем же образом и составные вещи не изменялись бы в цветах и фигурах, подобно тому как изменяются они при запечатлении <простых> субстанций.

27. Все низшие формы представлены в высших существованием более простым и тонким. Именно так существуют тела и их формы в представлении <одной> из способностей души, хотя они и сокрыты от чувств. Таково же существование всех форм, пребывающих в разуме.

28. Форма разума постигает и распознает все другие формы. Форма рассудочной души постигает и распознает часть разумных форм при своем движении и брожении в них, подобно действию разума. Форма же жизненной души постигает и распознает телесные формы при движении по всему телу, подобно действию рассудочной души. Форма растительной души постигает субстанции тел и движет их части вместе, подобно действию жизненной души. Наконец, форма природы сочетает части, обуславливает их притяжение, отталкивание, преобразование, подобно действию растительной души. А если действия эти уподобляются <друг другу>, то и возникающие вследствие этого формы также должны быть подобны <между собой>.

29. Как мы уже сказали, самая совершенная и сильная субстанция – причина самой несовершенной и слабой. И так как формы субстанций, простых и составных, распространяются в своих субстанциях и полностью их охватывают, так как одни из этих форм получают свое бытие от других, (низшие от высших), будучи упорядоченными в единой последовательности от высшего предела и до низшего, то эта <универсальная> форма распространяется во всех других, подобно тому как распространяется свет в воздухе, протягиваясь от высшего к низшему крепко сцепленным, восполняя материя и объемля ее так, чтобы не оставалась ненаполненной ею <хотя бы> часть и не существовало бы свободного от нее места, которое не облекалось бы в нее.

Тем не менее уровни ее в материи разнятся между собой. В высшем пределе <исходит> из нее свет совершенно чистый, поэтому субстанция, носящая его, является духовной и тонкой. А в нижнем пределе свет затемнен и обладает тенью и мутностью, поэтому субстанция, носящая его, является телесной и плотной. Между двумя этими пределами существует посредник, сообразующийся с изменением света и уплотнением материи в зависимости от ее близости или удаленности.

Рассмотрев форму с этой стороны, ты увидишь, что она, начинаясь <как> духовная и совершенная, постепенно – ступень за ступенью – уплотняется, пока не достигнет последнего предела, где движение останавливается и форма, обитающая <там>, прекращает свое существование.

30. Так как первая форма – это второе единство, претерпевающее действие первого единства, а первое действующее единство подобно единству числа, то отсюда с необходимостью следует, что единство, претерпевающее его действие, <также> подобно единству числа. Я хочу этим сказать, что оно удваивается и разделяется. Таким образом, <оно> умножается и изменяется и умножается число форм через его умножение и изменяется через его изменение. Причина этого – смешение формы с материей и удаление от источника единства.

31. Свет, распространяющийся в материи, ниспосылается из иного света, который выше материи, то есть из света, который находится в сущности действующей силы, то есть воли, которая преобразует форму из способности в действие. Форма целиком пребывает в воле в действии со стороны действующего. Но истинно и то, что она пребывает в способности со стороны претерпевающего действия. И если ты исследуешь способности воли и те формы, которые она содержит в себе самой, то увидишь: то, что воспринимлет от нее всеобщая материя (а именно все формы, носимые ею, сообразно с их светом, множественностью, величиной), в приложении к тому, что есть в ней самой, подобно тому, что получает воздух из света Солнца. Ведь свет, распространяющийся в воздухе, намного слабее в сравнении со светом, пребывающим в самом Солнце. Таково же отношение материальной формы к духовной. И <именно> второй свет, а не первый называется формой, потому что он носим материей и служит формой для нее; первый же ничем не носим и потому он ничему не служит формой.

32. Отсюда с необходимостью следует, что существует три <вида> формы. Первый есть форма, существующая в сущности воли. Эта форма называется “формой” лишь благодаря намеку на нее и наименованию. В истинном же смысле она не является таковой, поскольку не есть форма, носимая <чем-либо>. А так как сущность ее иная, чем сущность формы, носимой материей, то и существует она отдельно, и имя “форма” лишь намекает на нее. Ибо нельзя допустить, что форма разума, существующая в самой воле, до своего истечения из нее и соединения с материей <была> такой же, как и после истечения и соединения с материей.

Вторая форма есть форма, прилепленная к материи в действии. Это – всеобщая форма разума. И третья форма – это воображаемая форма, отделенная от материи и соединяющаяся с материей в способности. Все остальные формы входят во всеобщую форму.

Поэтому нет нужды сомневаться в правиле Платона, разделившего форму на три рода⁶⁰. Первый – это форма в способности отделенная от материи,

второй – форма в действии, соединенная с материей, третий – форма элементов, то есть четырех первых качеств⁶¹.

33. Если воля – это действующая причина, то в таком случае форма всего пребывает в ее сущности. Ведь форма всякого следствия, вне сомнения, кроется в его причине. Более того, следствие <само> пребывает в своей причине через надлежащую ему форму. И вещи пребывают в сущности воли лишь в том отношении, в каком следствие существует в своей причине через форму, надлежащую ему.

Книга пятая (извлечения)

1. Цель этой книги – рассказать о всеобщей форме и всеобщей материи, обособить одну от другой и познать сущность каждой из них, чтобы это знание служило ступенью, через которую <следует> подняться к познанию воли и познанию первой субстанции⁶².

2. Знание, которое имеет разум, <достигается> через присоединение его формы к форме умопостигаемого. Когда форма разума находится в форме умопостигаемого, она сама по себе знает, что эта форма не может существовать, не будучи носимой материей, и что форма – вещь иная, чем материя. Чтобы прояснить сказанное, обратимся в качестве образца к субстанции разума. Ведь когда ты поймешь, что субстанция разума – вещь иная, чем его форма, то тем самым станешь ясно тебе, что материи простых субстанций и материи составных субстанций иные, чем их формы. Ты узнаешь тем самым, что всеобщая материя иная, чем всеобщая форма.

Мы говорим, что разум знает сам по себе, что он обладает формой, поскольку форма разума знает сама по себе, что она – вещь иная, чем материя, носящая ее. Точно так же отсюда следует, что форма разума знает материю и <знает>, что материя – вещь иная, чем она.

3. Представь себе сущность материи как духовную способность, существующую сама по себе и не имеющую формы. И представь себе сущность формы как свет, существующий <сам по себе> и дающий тому, в чем он <находится>, признак, идею рода и формы⁶³.

Говоря в общем, представление существования материи и формы должно быть подобно представлению всех духовных вещей. Иными словами, <надо представлять> существование их как умопостигаемых, а не чувственно воспринимаемых; и не <следует представлять> их существование как оформленных и наделенных хюлической материей. Ибо, представляя себе хюлическую материю отдельно от формы, ты не постигнешь ее по той причине, что материя сама по себе не обладает формой, также из-за того, что она пребывает в высшем пределе. Душа же находится посередине между двумя этими пределами. Точно так же ты не сможешь представить себе форму саму по себе, потому что представляющая способность – это одна из способностей души, а сущность формы является более простой, чем душа.

4. Нужно, чтобы ты представлял себе различие материи и формы подобным различию тела и цвета. При этом пусть тело будет аналогией материи, цвет – аналогией формы. И пусть различие чувством цвета и тела и его постижение формы цвета самого по себе будет аналогией для различения разумом материи и формы и его постижения формы самой по себе. Различение станет еще более легким для тебя, если ты представишь

различие тела, души и разума, а также <представишь> то, как они объединяются.

Одним словом, различие духовных субстанций существует наряду с их объединением; таковым же является различие этих субстанций и акциденций, носимых ими.

Когда ты представишь это и возьмешь образец такого различия в своей душе, он поможет тебе представить различие материи и формы, которое подобно различию тела и души и различию души и разума. Ибо степень формы в сравнении с душой подобна степени души в сравнении с телом и степени разума в сравнении с душой.

5. примени образец для познания различия материи и формы в каждой из духовных субстанций (и, говоря в общем, различия всеобщей материи и всеобщей формы) для познания субстанции разума и суди о различии материи разума и его формы согласно различию материи каждой из простых субстанций и ее формы – одним словом, согласно различию всеобщей формы и всеобщей материи. Тот, кто хочет знать начала, иначе говоря, <иметь> знание всего, должен тщательно исследовать субстанцию разума, исходя из нее во всем искомом. Только знание о ней приводит к знанию всего. И это действительно так. Ибо, если субстанция разума есть род⁶⁴ всего, то есть форма сущего, следовательно, все существует в его субстанции. А если все существует в субстанции разума, то отсюда следует, что знающий субстанцию разума знает все.

6. Способ, которым исследуют различие всеобщей материи и всеобщей формы, исходя из субстанции разума, заключается в том, что ты познаешь форму разума, свойственную ему, то есть коренное различие, которое устанавливает его сущность. И это та идея, посредством которой ты судишь, что вещь есть то, что она есть. Затем ты исследуешь отличие субстанции разума через эту его форму от всего иного. Смысл же исследования в том, чтобы понять: разум сам по себе знает, что он обладает формой, благодаря которой он отличается от всего иного.

А чтобы понять форму разума, которая отличает его от всего иного, ты должен отыскать⁶⁵ материю – носительницу этой формы. И если ты осознаешь сущность материи формой твоего разума, ты почувствуешь ее, подобно тому как чувство чувствует чувственно воспринимаемое.

7. И прилепление формы к материи подобно прилеплению света к воздуху и тона, то есть движения ударений, к голосу. Ибо и свет и тон соединяются со своей материей, не будучи конечными сами в себе. Одним словом, представление прилепления формы к материи подобно прилеплению одних духовных субстанций к другим; а также прилеплению духовных субстанций к духовным акциденциям и к телесным субстанциям.

Примени этот образ к разуму и душе и к душе и телу, как было разъяснено прежде. И <для материи и формы> аналогия будет заключаться в прилеплении разума к душе, а души к акциденции, носимой ею, и к телу, с которым она связана. Наиболее тонким и сокрытым из этого является прилепление разума к умопостижаемому и чувства к чувственно воспринимаемому. Для Творца же – да святится Он! – аналогия состоит в выведении формы в материю, <Он заставляет ее перейти> из отсутствия в действительность через ниспосылание разума в умопостижаемое и чувства в чувственно воспринимаемое.

8. Во всех субстанциях и формах мы не найдем формы более совершенной и всеобъемлющей, чем форма разума. Ибо эта форма знает сама по себе всякую форму и объединяется сама по себе со всякой формой. Следовательно, все формы находятся в ней.

Итак, субстанция разума постигает формы вещей сама по себе. Этим доказываемся, что формы вещей объединяются в субстанции разума и субстанция его – не что иное, как вещь единая; иными словами, доказываемся всеобщность этих форм, потому что все они объединены в этой субстанции духовным единством. Отсюда следует, что форма разума является объединяющей формой, собирающей в своем единстве единство всякой формы.

Разум же не постигает хюлическую материю сам по себе, но лишь через посредничество души и чувств, потому что она находится вне его самого. Следовательно, разум постигает формы <лишь> потому, что они не находятся вне его самого. И если эти формы не находятся вне его самого, то в таком случае они находятся в нем самом.

9. Если множество форм пребывает в отдельном разуме (поскольку он постигает сам по себе всякую форму и находит в самом себе всякую форму), то в таком случае формы всех вещей пребывают в форме всеобщего разума.

10. Задаваясь вопросом: "Как существуют все формы в отдельном разуме?" – вспомни мысль души, ее обращение к разуму, представление форм вещей благодаря способности воображения наяву и ее представление их в правильном сне⁶⁶ – <таким образом> она и познает их.

11. Доказательство того, что все формы вещей пребывают в субстанции разума, в следующем. Мы говорим, что форма разума постигает все другие формы и они объединяются в ней. А всякая вещь, в сущности которой объединены все формы, содержит их в себе. В таком случае все формы существуют в субстанции разума.

12. Доказательство же того, что вещь существует воистину благодаря ее форме, таково: все существующее может быть или чувственно воспринимаемым, или умопостижимым. А чувство и разум прилепляются только к чувственно воспринимаемой или к умопостижимой форме, потому что чувственно воспринимаемая или умопостижимая форма служит перегородкой между формой разума и души, <с одной стороны>, и между материями, носящими чувственно воспринимаемые формы, и материями, носящими умопостижимые формы, <с другой>. Поэтому формы прилепляются только к формам, так как они встречаются друг с другом⁶⁷.

Далее, постижение разумом и душой <какой-либо вещи> происходит через их формы; формы же прилепляются только к формам по причине подобия и сродства⁶⁸, которое существует между ними. Поэтому разум при постижении вещей, обладающих хюлической материей, нуждается в посредничестве форм (а именно по причине подобия, которое существует между его формой и этими формами).

Поскольку вещь существует благодаря ее форме, то невозможно, чтобы материя, обособленная от форм, существовала в безусловном смысле. А если и возможно <существование ее> без этого, то она существует в способности; иными словами, облачаясь в форму, она переходит в действие и существует в действии.

13. Мы не говорим, что все вещи находятся в разуме. И не все вещи находятся в разуме из-за вещей, обладающих хюлической материей. Но

умопостигаемые духовные <вещи> существуют в разуме; они и есть разум. Чувственно же воспринимаемые телесные <вещи> не находятся в разуме и не являются разумом, ибо они пребывают вне его сущности. В соответствии с этим разум постигает вещи, обладающие хюлической материей, лишь при посредстве чувства, подобного ее природе, так как оно посредничает между духовностью разума и телесностью хюлической материи.

Причина, удерживающая разум от постижения того, что обладает хюлической материей, заключается в том, что постижение разумом вещей происходит через прилепление его формы к форме умопостигаемого и их объединение. А поскольку разум тонок, а чувственно воспринимаемые вещи грубы и невозможно, чтобы тонкое прилепилось к грубому без посредника, подобного двум пределам, то отсюда следует, что разум постигает чувственно воспринимаемые вещи лишь при посредстве чувств, так как чувственная субстанция подобна двум пределам. Иначе говоря, она посредничает между духовностью разума и телесностью чувственно воспринимаемых форм.

Разъясним это. Так как знание <достигается> через объединение формы познающего с формой познаваемого без посредничества, но две формы объединяются в соответствии с отношением подобия и близости и <так как> разумная душа не подобна телесным формам, ибо форма разумной души духовная, невозможно, чтобы форма разумной души прилеплялась к чувственно воспринимаемым телесным формам без посредника, подобного обоим пределам.

Далее, так как души жизненная и природная помещены посередине между разумной душой и телом, то невозможно, чтобы форма разумной души прилеплялась к форме тела и объединялась с ней сама по себе, без посредничества. Согласно этому сравнению можно провести аналогию и с постижением чувственной субстанцией чувственно воспринимаемых форм через посредство органов <чувств> и воздуха, поскольку чувства и воздух подобны двум пределам, то есть чувственной субстанции и чувственно воспринимаемым формам.

14. И если говорят, что все существует в разуме и что все ниспосылается из разума, то это вовсе не значит, ни что все составлено из разума, ни что одни простые субстанции составлены из других. Ибо если одна вещь составлена из другой, то тогда необходимо, чтобы составность переходила в действие. Но не таков разум, поскольку субстанция его – субстанция простая. Сказанное всего лишь означает, что все существует в разуме простым существованием в том смысле, что сам он – это любая форма и формы вещей объединяются в нем объединением сущностного знания, а не <объединением> телесным и акцидентальным.

15. Если форма разума с необходимостью познает формы всякой вещи, то, следовательно, все формы прилеплены к ней и существуют в ней, ибо все формы сотворены в ней; иными словами, они объединяются в ее сущности сущностным духовным единством. И потому форма разума является всеобщей формой.

Если дело обстоит так, то отсюда следует, что эта форма есть та, что дает всякой вещи форму и “что такое”, подобно тому как он <разум> дает всякой вещи субстанциальность.

16. И мудрецы согласны в том, что нет у разума формы, свойственной ему. В противном случае эта форма препятствовала бы постижению разумом всякой вещи, отличной от нее самой. Утверждая же, что у разума нет

свойственной ему формы, они лишь хотели сказать, что у него нет особой отдельной формы, и не отрицали того, что у разума есть всеобщая форма, ибо всеобщая форма с необходимостью осуществляет постижение всех форм.

И, только исследуя причину постижения субстанциями форм, можно понять то, что мы сказали, а именно что форма разума – <форма> всеобщая, что она сама по себе постигает другие формы.

17. Нет сомнения в том, что, чем более тонкой и простой становится субстанция, тем в большей мере воспримлет она многочисленные и весьма различные формы, которые в ней являются более соразмерными и красивыми, и наоборот. Причина здесь в том, что во всем составном его составе [составная природа?] удерживает проникновение в него форм, ибо служит барьером между его субстанцией и формами. А в простой субстанции нет ничего, что было бы барьером между нею и формами и что поэтому удерживало бы их проникновение в нее. Следовательно, простая субстанция, по мере того как она возвышается и становится тоньше, воспримлет многочисленные формы, то есть всякую фигуру и всякую форму. Ибо если бы простая субстанция принимала <всего лишь> одну фигуру и усердствовала в одной⁶⁹, то не было бы различия между нею и составной субстанцией.

Если дело обстоит именно так, то отсюда с необходимостью следует, что чувственно воспринимаемая субстанция в силу своей плотности не воспримлет различные формы, но усердствует в одной форме, что умопостигаемые субстанции, по мере того как они возвышаются и утончаются, принимают в себя больше форм и это собиранье форм в них – более масштабное и явное, чем то, что происходит в нижних пределах, как, например, в природе и в душе. Так продолжается до тех пор, пока умопостигаемые субстанции не достигнут субстанции самой тонкой и простой, то есть субстанции разума. Следовательно, субстанция разума – наиболее сильная из субстанций в принятии форм и в их собираньи в своей сущности и в своем единстве.

Далее, так как субстанция разума упорядочена в высшем пределе противоположно субстанции тела, упорядоченной в нижнем пределе, и <так как> последняя воспримлет лишь одну форму, то отсюда следует, что субстанция разума воспримлет все формы и носит их. И так, чем больше понижаются субстанции, приближаясь к телу, тем слабее они становятся для принятия форм, и наоборот: принятие форм усиливается по мере возвышения субстанций до тех пор, пока они не достигают уровня разума – субстанции, в наибольшей мере воспримлющей формы и собирающей их в сравнении со всеми другими субстанциями.

18. Материя, свойственная форме разума (иначе говоря, высший предел всеобщей материи), воспримлет форму разума, носящую все формы, от воли, которая обитает в высшем пределе, рядом с Творцом – да святится Он и да будет благословен! – и в которой пребывает совершенная форма, которая является всем и в которой – все. Но материя воспримлет что-либо из воли сообразно тому, что в ней самой готово к восприятию, но не сообразно тому, что находится в способности воли. И то, что получает материя из света воли, – лишь немногое в сравнении с тем, что находится в воле.

19. Но эта безусловная форма приписывается воле в действии лишь со стороны претерпевающего действие. Со стороны же действующего она находится в ней в способности, ибо в высших <областях> вещи совсем не таковы, как в низших, и формы в причинах более совершенны, чем в

следствиях, поскольку возникновение их в следствиях обусловлено причинами и они противоплагаются друг другу.

Согласно этому положению, формы в воле находятся в таком совершенстве и соразмерности, какие только возможны, причем они будут таковыми во всем том, что близко от нее, пока не достигнут нижнего предела субстанции, и тогда форма прекращает свое существование.

В обобщенном виде эту мысль высказал еще Платон, который сравнивал возникновение форм в разуме с <результатом> постижения их волей⁷⁰; возникновение их во всеобщей душе – с <результатом> постижения их всеобщим разумом, а их возникновение в природе и субстанции – с <результатом> постижения их всеобщей душой. Аналогично этому он рассматривал возникновение разумных форм, то есть мыслей и представлений, в отдельной душе, когда ее постигает разум.

20. Смысл постижения субстанциями заключается в том, что одни из них расположены напротив других, причем одни из них изливают свои силы и свет на другие в силу того, что они удерживаются под первой субстанцией, которая изливает их сама по себе, то есть изливание <исходит> только из нее одной.

21. И действительно, невозможно собирание многочисленных различных форм в одном носителе, если они занимают место⁷¹. Но если они не занимают места, то невозможность их собирания в одном носителе уже не столь категорична. А так как формы, которые собираются в форме разума, не разделены, но объединяются в его субстанции и поскольку субстанция разума – простая субстанция, то эти формы не занимают места, но они и суть место, в котором сами же <находятся>, то есть субстанция разума – это единая вещь. И поэтому (то есть потому, что субстанция разума – субстанция простая и формы, носимые ею, не разделены, но объединяются в ее субстанции) субстанция разума способна к восприятию всякой вещи и носит всякую вещь, не являясь тесной ни для чего: ведь в своем единстве, которое является ее сущностью, она носит всякую вещь ношением единообразным и сущностным.

Эту способность надо попытаться обнаружить во всех субстанциях, а именно <установить> отношение между ношением каждой <субстанцией> тех форм, которые естественны, и между ношением другой <субстанцией> того, что свойственно носить ей.

Принцип здесь таков. Рассмотрев существование форм в разуме, ты найдешь в этом аналогию существованию форм в душе и существованию их в девяти категориях в субстанции. Поэтому и было сказано, что разум является вместилищем природных форм и что, подобно тому как хюлическая материя – это способность, восприимлющая чувственно воспринимаемые формы, так и душа – это способность, восприимлющая умопостигаемые формы.

Возьми для сравнения существование всех форм в первой материи. Ты найдешь, что все формы существуют во всеобщей материи, что девять категорий существуют в субстанции; ты обнаружишь, что различные вещи существуют в душе и душа носит их и что их существование в ней не удерживается из-за того, что одни из них существуют в других. Ибо, подобно тому как тело и его акциденции – вещь единая (хотя различие и разница их велики), но душа отличает каждую из его частей от другой, <даже> если они объединены и слеплены друг с другом, точно так же и все вещи, которые

объединены и слеплены друг с другом, хотя и различаются сами по себе, подвластны разуму, который отделяет одну от другой и различает каждую из них.

Из этого сравнения следует, что образ всего <пребывающего> в первой материи – это образ тела в душе и, говоря в общем, образ форм в разуме. Ибо если формы всех вещей находятся в разуме, то, значит, они находятся и в первой материи. Точно так же можно сравнить все, что выше их⁷².

22. Смысл “разумного знания” – в объединении умопостигаемой формы с разумом; то же самое следует сказать о чувственном знании. Однако это отдельное объединение не таково, как объединение всеобщей формы со всеобщей материей, ибо оно ниже по уровню и потому не называется “знанием”. Из этого вовсе не следует, что объединение умопостигаемых форм с разумом более благородно, чем оно; ибо, <наоборот>, дело первого объединения (то есть объединение всеобщей формы с всеобщей материей) благороднее, чем дело второго объединения (умопостигаемых форм с разумом).

23. Так ты узнаешь, что форма охватывает материю подобно тому, как разум охватывает душу и как одни из простых субстанций охватывают другие. И Творец – да святится Он и да будет благословен! – охватывает волю и все, что содержится в ней из материи и формы. <Он> без образа и нет подобного Ему.

24. Помни также, что качество, будучи выше количества, проявляет себя лишь в чувстве. Но в истинном смысле качество и количество пребывают вместе, ибо цвет и фигура необходимы для завершения тела. И <все> другие роды существуют вместе в субстанции.

Воспользуйся этой аналогией для сравнения сосуществования всех форм в первой материи. Ведь ношение первой материей всех форм соответствует ношению души и разумом умопостигаемых форм и ношению субстанцией девяти категорий и тем более ношению количеством фигуры и цвета.

25. Итак, нижнее должно служить хюлической материей для высшего, поскольку высшее является действующим для низшего. Вот почему мудрецы говорили, что идеи истинной формы недостойно ничто иное, кроме первого разума⁷³, то есть того, что называется у них “действующий разум”⁷⁴.

26. По мере понижения уровня формы и обретения ею телесности, она становится более видимой для чувств, подобно цвету, который наиболее близок из всех форм к чувству. Фигура более сокрыта, чем цвет, телесность более сокрыта, чем фигура, субстанция более сокрыта, чем телесность, природа более сокрыта, чем субстанция, душа более сокрыта, чем природа, а разум более сокрыт, чем душа. Причина здесь в том, что первая форма, которая прилепляется к первой материи, духовная и простая, а последняя форма – телесная и составная и между этими двумя пределами существуют посредники, которые связывают два предела <между собою> и прилепляются между ними. По мере того как форма приближается к первой духовной форме, она становится более тонкой и сокрытой. И наоборот, по мере того, как форма приближается к телесной форме, она становится более грубой и видимой.

27. Доказательство того, что духовные формы сокрыты в телесных формах, заключается в том, что душа обитает в теле своими способностями, причем каждая из ее способностей прилепляется к форме, подходящей ей по тонкости. Ибо душа отделяет форму качества и количества от формы

субстанции, затем форму субстанции – от формы природы, форму природы от формы души, форму души – от формы разума, форму разума – от первой материи. И нужно помнить, что тот, кто постиг различие этих форм, и может отличить каждую из этих субстанций, тот достиг предела знания и наслаждения.

28. Запечатление первой формы во всем – это существование, потому что первая форма устанавливает сущность всякой вещи. Форма разума – это форма, объемлющая все существующее; существование всех форм <исходит> из формы разума.

29. Определение всеобщей материи и всеобщей формы должно основываться не на том, что возможно, поскольку выше их нет рода, который может быть взят как принцип их определения, а на описании⁷⁵ свойств, необходимо присущих им.

Описание всеобщей материи через ее свойства сводится к тому, что она является субстанцией, существующей сама по себе, носит различие и одна в числе и воспримлет формы⁷⁶.

Описание же всеобщей формы заключается в том, что она является субстанцией, устанавливающей сущность всех форм, а также есть сущность совершенной мудрости и свет чистый.

30. У простых субстанций нет “почему”⁷⁷, внешнего для их сущности, но есть “почему”, которое является единой вещью с их сущностью, ибо обе они простые и единичные. Поэтому для существования первой материи и первой формы, для всех простых субстанций вообще, нет никакой иной причины, кроме Творца их – да святится Он и да будет благословен! Ведь четвертая причина, которая есть “почему”, – внешняя для сущности следствия; а вне простых субстанций нет ничего <иного>, кроме Творца их – да святится Он и да будет благословен! И потому сказано, что они <обладают> вечным существованием по причине вечности Творца – да святится Он и да будет благословен!

В этом разделе я дам тебе достаточное общее правило, которое ты будешь использовать как аналогии во всех других случаях. Оно гласит, что бытие упорядочено от высшего предела до низшего предела в четырех уровнях. Это: “существование”, называемое по-арабски “анниййа”⁷⁸, “что такое”; “как” и “почему”. Высший⁷⁹ <уровень> есть “существование” (“анниййа”), у которого нет “что такое” и “как”; и это Истинно Единый – да святится Он и да будет благословен! Ниже его – “что такое”, у которого нет “как” и “почему”; это разум⁸⁰. Еще ниже – “что такое”, обладающее “как”; это душа. Наконец, ниже его – “что такое”, обладающее “как” и “почему”; это природа⁸¹ и вещи, подверженные возникновению.

Каждый из этих видов бытия упорядочен согласно порядку счета. “Существование” упорядочено в степени единицы, так как оно является только существованием. “Что такое” упорядочено в степени “двух”, ибо “оно” составлено из двух вещей – рода и отличия. “Как” упорядочено в степени “трех”, ибо оно носимо субстанцией “что такое” и присоединено к ней. “Почему” упорядочено в степени “четырех”, ибо оно присоединено к “как”, “что такое” и к “существованию”, а их три.

31. Бытие упорядочено <также> в уровнях, которые являются более общими в сравнении с перечисленными. Это: “необходимое”, “возможное” и “невозможное”. “Необходимое” – это Единый Действующий – да святится Он

и да будет благословен! “Возможное” – это все бытие, на которое направлено Его действие. “Невозможное” – это отсутствие бытия и его прекращение.

“Необходимое” – это начало, которое не изменяется, а “возможное” – наоборот. Потому “возможное”, как я думаю, есть то, на что направлено действие, оно изменчиво, ибо это – природа “возможного” самого по себе. Следовательно, правильно называть первую материю “возможностью”. И так как Единый Первый Действующий сущностно необходим, то он только один. А так как то, на что направлено действие, является возможным, то оно не всегда тождественно себе, но бывает тем и другим. Следовательно, необходимо существование и носителя и носимого⁸².

32. Различие материи и формы доказывает существование воли, так как воле свойственно создавать вещь и ее противоположность. В умопостигаемых вещах причина, в силу которой форма явлена, а материя сокрыта, заключается во встрече формы разума и форм умопостигаемых вещей, ибо все формы противостоят друг другу в материи, подобно сынам человеческим на поле брани. А в чувственно воспринимаемых вещах <причина заключается в том>, что формы явлены телесно, материя же, в сравнении с носимыми ею формами, является духовной. И еще <в том>, что материя облечена <в форму>, а форма – это то, во что она облачается; <в том>, что материя подобна отсутствию, а форма подобна существованию; и <так как> материя существует в способности, а форма – в действии и материя восполняется и обретает существование в форме, то все ее движение нацелено на восприятие формы, иначе говоря, на достижение своего совершенства.

33. Так как форма представляет собой единство, на которое направлено действие Первого Единства, удерживающего и устанавливающего все, и так как единству свойственно соединять и собирать многое, чтобы оно не умножалось и не разделялось, то отсюда с необходимостью следует, что форма удерживает материю. Материя же, поскольку ей свойственно умножение и разделение, с необходимостью должна быть объединенной через единство, а также быть удерживаемой и собираемой.

34. Форма в знании Творца – да святится Он и да будет благословен! – изначально является обособленной; затем она соединяется с материей, и это <присходит> вне времени. Аналогией обособленного существования материи и формы в знании Бога – да святится Он и да будет благословен! – служит изначальная духовная форма, представляемая <существующей> в душе; затем она объединяется с материей и переходит в действие. Точно так же существует эта форма в разуме, затем переходит в душу и объединяется с ней. Однако форма, существующая в знании Предвечного – да святится Он и да будет благословен! – переходит из способности в действие вне времени. И потому ни единого мгновения она не остается пустой от материи. Но не такова форма, исходящая из души.

35. Аналогом прилепления материи к форме является прилепление света к воздуху, цвета к <неодушевленному> телу, души к <человеческому> телу, разума к душе, чувства к чувственно воспринимаемому, разума к умопостигаемому. Потому и говорят, что все произошло из знания Бога – да святится Он! – Его постижения вещей, Его охватывания их.

36. Как было сказано, субстанция разума конечна в двух своих пределах: в высшем, потому что воля превышает ее, и в низшем, потому что хюлическая материя существует вне ее сущности. И все простые субстанции конечны в

высших <пределах> и бесконечны в низших⁸³, одни из них служат пределом для других, ибо все они духовные и простые. Но так как хюлическая материя обладает плотностью и телесностью, она находится вне сущности разума. И <потому> говорят, что разум и все простые субстанции конечны в этом смысле; иными словами, они отделены от телесности, которая достигает хюлическую материю, а разделение с необходимостью означает предел.

37. Материя существует только в форме, ибо существование обеспечивает форма. Потому и движется материя, чтобы воспринять форму, переходя при этом из страдания своего отсутствия в наслаждение существования. Но возможно существование материи, свободной от некоторых форм, ибо часть материи не облечена в духовную форму, но не в первую форму, устанавливающую сущность первой материи, а во вторую, устанавливающую сущности простых субстанций. Случается также, что часть телесной материи сбрасывает с себя одни формы и облечается в другие.

38. Материя обладает двумя пределами. Один восходит к границе творения, то есть к границе прилепления материи к форме; второй нисходит к границе прекращения существования. Представь себе тот из них, что пребывает над <небесной> сферой <облеченным> в духовную форму, и представь себе, как эта духовность, по мере своего возвышения, крепит свое единство и становится более простой до тех пор, пока не достигает границ творения. Представь себе также тот предел, что нисходит от границы сфер <облеченным> в телесную форму, как по мере своего понижения он⁸⁴ становится все более телесным, пока наконец тело не достигает границы прекращения существования.

39. Материя может быть лишь единой. Воистину различие <заключено> в форме. И, постигая духовную субстанцию, ты узнаешь, что ее отношение к телесной субстанции подобно отношению света к воздуху. И если ты спросишь: "Как <мне представить> это?" – то я отвечу: обособь свой разум от телесной субстанции и, углубившись в постижение духовной субстанции, остановись у границы творения, то есть у начала объединения материи с формой. Затем мысленно вернись к нижнему пределу, и тогда тебе действительно откроется ничтожность телесной субстанции наряду с величием духовной. И если тебе удастся соотнести духовно сотворенную субстанцию (я имею в виду духовную материю, объединенную с формой) и сравнить ее с источником, из которого исходит истечение всего, то есть с волей, то ты увидишь, что телесная субстанция является еще более ничтожной⁸⁵. Аналогия этому – небо и земля. Ибо, когда ты помыслишь в душе своей, что стоишь возле первой границы высших небес и смотришь на землю, тебе представится, что земля в середине <сферы> небес подобна точке, не имеющей размера по сравнению с небом, хотя на самом деле она большая. Точно так же если ты мысленно представишь себя возле первой границы духовной субстанции⁸⁶, то увидишь, что отношение телесной субстанции к духовной или, скорее, отношение их, вместе взятых, к воле подобно отношению земли к небу.

Не сомневайся поэтому, если <тебе покажется, что> высшее находится под низшим; ведь высшее и низшее существуют лишь для нас и относительно нас; они падают в неделимую часть⁸⁷ бытия, которая является центром. Но духовная субстанция едина и прилепляется и завертывается одной своей частью в другую, существует в знании Бога – да святится Он и да будет благословен! – и в Его способности, объемлющей все.

40. Даю тебе краткий общий принцип, на который ты можешь опираться в своем представлении: окинь разумом границу творения (я хочу сказать, начало объединения материи и формы) и представь себе субстанцию безначальную и бесконечную; это и есть субстанция Творца – да святится Он! Помысли также, что все бытие – духовное и телесное – существует в Нем подобно тому, как представление какой-либо вещи существует в душе. И ты увидишь, что Сила Творца – да святится Он и да будет благословен! – пребывает во всем существующем. Точно так же ты обнаружишь, что сила наивысшего из родов бытия и его сущность <пребывают> в низшем, вплоть до самого низкого предела, то есть до границы прекращения существования. И тебе представится простираание материи и формы от высшего до низшего как простираание единое.

41. Материя существует в знании Бога – да святится Он и да будет благословен! – подобно существованию земли в середине небес. Форма же излучает на нее свет и погружается в нее сиянием света Солнца в воздухе и на земле и погружением его в них. Называется эта форма "светом", поскольку слово⁸⁸, из которого истекла форма, – это свет, и именно свет разумный, а не свет чувственный. Свету же свойственно обнаруживать форму вещи и делать ее видимой после того, как она была сокрыта. Точно так же и форма, соединяясь с материей, делает вещь видимой и обретает через нее свое существование.

42. Говорят, что материя – место для формы; иными словами, материя носит ее и форма носима ею. Точно так же говорят, что воля – вместилище обеих. Идея же, постигаемая разумом из всего этого, – это потребность каждой из них в воле для своего существования и постоянства. Но "место" в истинном смысле есть акциденция, возникающая в низшем пределе формы.

43. Невозможно ни предшествование материи форме, ни <предшествование> формы материи. Да и как одна может предшествовать другой, если они не существуют разделенными ни мгновения, но связаны вместе? Далее, материя не существует сама по себе существованием формальным, то есть в действии, но существует через форму. Следовательно, ее существование <имеет место> лишь через существование формы.

44. Вещь, которая связывает материю и форму, составляет их и удерживает их вместе, – это единство, которое выше их. Ибо объединение материи и формы – это <результат> запечатления единства в них. Поскольку между "единицей" и "двоицей" нет посредника, то, подобно этому, нет посредника между единством, а также материей и формой. Доказательством того, что единство организует материю и форму у границы творения (то есть в начале объединения), его устойчивость и постоянство вследствие близости к источнику единства; <с другой стороны>, наоборот, его множественность и разделение, уменьшение постоянства и существование у границы своего прекращения (то есть рядом с последней субстанцией) вследствие удаленности от источника единства. Таково доказательство <того>, что единство удерживает все и носит все.

45. Способность единства различается в силе и слабости. Вначале <оно> объединяет сущее предельным единством и удерживает его предельным удержанием; в конце же происходит обратное, по причине различия материи. Образ движения материи для принятия формы – это движение души,

лишенной знания, чтобы искать и получить его. Когда форма этого знания прилепляется к душе и устанавливается в ней, душа обретает знание, то есть становится носителем его формы. И если форма прилепляется к материи, то материя обретает свою оформленность, то есть становится носителем формы.

46. Причиной, обуславливающей движение материи для восприятия формы, является стремление материи достигнуть при этом блага и наслаждения. То же самое можно сказать о движении всех субстанций, а именно движение всех субстанций <происходит> для <их> объединения. Ибо все бытие желает двигаться ради того, чтобы достигнуть нечего от совершенства Первого Бытия⁸⁹. Однако движение родов сущего различается согласно различной уровню его близости или отдаленности от него. Чем ближе субстанция к Первому Бытию, тем легче она достигает совершенства. Чем удаленней субстанция от Первого Бытия, тем замедленнее⁹⁰ становится ее движение к совершенству, которое может быть достигнуто через многократные движения и за многократные <промежутки> времени. По мере увеличения удаленности ее движение останавливается. Аналог этому – небо и земля⁹¹.

47. Доказательство того, что движение всякого движущегося <происходит> для единого и ради единого, в том, что все движущееся воистину движется для принятия формы; и нет формы иной помимо следа единого. Единое – это благо. В таком случае движение всякой вещи воистину осуществляется ради блага, которое есть Единое. Ибо ничто из существующего не стремится стать многим, но стремится быть единым, то есть все вещи стремятся к единству.

48. Если идея влечения и любви с необходимостью означает поиск союза с любимым, соединения с ним, <если> материя ищет слияния с формой, то из этого следует, что движение ее <происходит> ради любви к форме и стремления к ней. Такова же суть всякого движения в поисках формы.

49. Ты можешь сказать: “Если движение материи к восприятию формы воистину происходит из-за стремления к Первому Бытию, то отсюда с необходимостью следует, что между ними существует подобие; ведь устремляться и присоединяться можно только к подобному”, то я отвечу, что между материей и Первым Бытием существует подобие лишь в принятии материей того света, который <находится> в сущности воли. Это побуждает материя склоняться к ней и устремляться к ней. Ибо материя движется не для того, чтобы достичь ее сущность, но для того, чтобы достичь форму, порождаемую для нее волей.

50. Если ты спросишь: “Каково подобие между материей и формой? Ведь они две сущности, разделенные друг с другом по существу, поскольку одна из них – носитель, а другая – носимое?” – то ответ будет в том, что между ними нет подобия. Но так как материя воспримлет форму сама по себе и форма изливает на нее свою силу и проникновение, то, следовательно, материя движется, чтобы воспринять форму, и форма объединяется с ней. И в этом – доказательство того, что они удерживаются под волей и подчинены ей, поскольку они различны по существу и объединяются вместе.

51. Ты скажешь: “Если материя движется, чтобы воспринять форму, из-за того, что она жаждет блага, то есть единства, то из этого следует, что материя сама по себе знает ту вещь, к которой она устремлена. Но ведь прежде <было сказано>, что материя воистину познает <только> через

форму”. Помни, что пребывание материи рядом с единством означает, что при истечении на нее единства она воспримлет от него способность постигать его. Материя движется к единству для того, чтобы принять от него совершенство, пока не примет форму, через которую она обретет знание и совершенство, после чего ей не придется что-либо еще принимать.

Аналогия этому – воздух, с которым смешивается немного света утренней зари. По мере того как поднимается Солнце, свет все больше восполняется, доколе не достигнет совершенства, и ему не приходится что-либо воспринимать от Солнца. То же происходит и с первой материей: поскольку она пребывает рядом с единством, из силы и света его на материя истекает то, что является причиной ее стремления к единству и что побуждает ее двигаться к нему.

Тому, кто возражает <по поводу> подобия между материей или другими субстанциями и между Первым Действующим, ответом будет доказательство, что движение этих субстанций есть движение стремления и желания. Ибо, пребывая рядом с единством, материя с необходимостью постигает из его силы и света то, что требуется для устремления к нему и соединения с ним, чтобы получить совершенство и перейти из отсутствия в существование, до тех пор пока не исполнит на нее волю всеобщую форму и объединится с ней, пока не исполнится природа ее и она не станет разумом.

52. Стремление к Первому Действующему – да святится Он! – и движение к нему присуще всему. Однако они различаются в зависимости от близости или удаленности от него. Так, отдельная хюлическая материя стремится к отдельной форме, подобно хюлической материи растения и животного, которая движется в становлении своем, чтобы воспринять форму растения и животного; на нее направлено действие отдельной формы, и отдельная форма действует на нее. Точно так же жизненная душа устремляется к форме, соответствующей ей, то есть <к форме> чувственно воспринимаемой, а рассудочная душа стремится к умопостигаемым формам. Это происходит потому, что отдельная душа – та, что называется “первый разум”, – вначале подобна хюлической материи, воспримлющей форму. Когда <этот разум> воспринимает форму от всеобщего разума, который суть “третий разум”, то он переходит в действие и получает название “второй разум”⁹². И если особенные души⁹³ обладают этим стремлением, то такими же являются и всеобщие души, то есть всеобщая душа устремляется к всеобщим вещам⁹⁴.

То же самое можно сказать о природной материи, то есть о субстанции, носящей категории, ибо эта материя точно так же движется, чтобы принять форму – вначале первых качеств⁹⁵, затем – неживого, затем – растения, затем – форму животную, далее – рассудочную, затем – разумную, до тех пор, пока не присоединится к форме всеобщего разума. Аналогичным образом ты можешь сравнивать движение всех всеобщностей. Согласно этому сравнению, следует, что первая материя стремится к принятию первой формы ради того, чтобы достичь блага, которое и есть существование.

Сказанное в равной мере относится ко всему, что <состоит> из материи и формы. Ибо хюлическая материя движется, чтобы принять форму совершенного. И по мере того как возвышается бытие, замедляется движение и ослабевают устремления, поскольку оно приближается к совершенству⁹⁶. Поэтому, чем более восходит бытие, приближаясь к источнику единства, тем более единым и постоянным становится его действие. <совершаясь> вне

времени; чем более едина вещь по своей сущности, тем более едино по этой причине ее действие. И если действие ее является единым, то оно производит многие вещи за одно и то же время.

53. Ты можешь спросить: "Если объединение материи и формы в верхнем пределе <происходит> ради поисков объединения, то почему разделение совершается в нижнем пределе?" Ответу, что, по мере того как материя нисходит и уплотняется, она умножается, разделяется и дробится и это обуславливает умножение формы, ее разделение и дробление.

Вместе с тем если ты рассмотришь те разделенные вещи, что <преобладают> внизу, то обнаружишь, что все они, будучи разделенными, желают смешаться и объединиться <друг с другом>. Смешение в низшем пределе соответствует объединению в высшем пределе. Говоря в общем, все различающиеся и разделенные вещи в высших и низших <пределах>, то есть индивиды, виды, роды, части, свойства, акциденции и все противостоящие <друг другу> и противоположные <вещи>, стремятся к собиранию, желают согласия и ищут объединения. И они собираются, несмотря на свое разделение, и достигают согласия, несмотря на свое различие, через вещь, которая удерживает их, собирает и согласует между собою. Общий принцип всего этого – объединение, возобладающее во всем, проникающее во все и удерживающее собой все.

54. Если ты познал⁹⁷ существование всеобщей материи и всеобщей формы, их "что такое", "как", "почему" и все то, что можно знать о них, и <если> ты исследовал их и наблюдал, ты увидишь материю, как если бы она была открытая книга или доска, на которой запечатлены строки. Ты увидишь форму, как если бы она являлась формой надписей и букв, расположенных в <определенной> последовательности, которые дадут читающему их предельное знание и предельную мудрость. И когда сущность моя охватит их и я познаю дивные вещи, которые <заклочены> в них, то обнаружу, что сущность моя устремляется на поиски и страстно желает установить Запечатлевшего эту чудесную форму и Сотворившего эту благородную форму.

55. Восхождение к Первой Высшей Субстанции невозможно. Восхождение же к тому, что рядом с ней, <возможно, но> трудно. И потому я говорю, что материя и форма – двое закрытых врат, и трудно разуму отворить их и войти в них, поскольку разум расположен под ними и субстанция его сама составлена из них.

У кого душа столь тонка и чей разум столь чист, что способен поэтому проникнуть в них и войти через них, тот уже достиг цели, достиг предела, обрел духовность и божественность и наслаждается близостью Совершенного Блага, и останавливается движение его, и пребывает постоянным его блаженство.

56. Источников знания и корней его – три. Первый – знание материи и формы; второй – знание действующего слова, то есть воли; третий – знание первой субстанции. Тот, кто постиг эти три всеобщих <вида> знания, уже познал все в соответствии с тем, что <заложено> в способности человеческого разума. И ему не приходится устремляться на поиски чего-либо, ибо все входит в эти <виды> знания.

57. Различие между движением и словом в том, что слово – это сила, ниспосылаемая в духовные субстанции и дающая им знание и жизнь. А движение – это сила, ниспосылаемая в телесные субстанции и дающая им

действие и претерпевание действия. Ибо слово, то есть воля, создав материю и форму и соединившись с ними связью души и тела, распространяется в них и пребывает с ними, пронизывая их сверху донизу.

58. Доказательство существования воли и того, что она – <вещь> иная, чем материя и форма, дает движение, которое <пребывает> в воле, а <также> в его тени и его лучах⁹⁸. Это движение находится в телесной субстанции и распространяется в ней, но сама по себе телесная субстанция им не обладает. Проникает оно в нее из духовных субстанций. И невозможно, чтобы движение в телесной субстанции было точно таким же, каково оно в духовной субстанции, ведь телесная субстанция не обладает способностью его восприятия, какая присуща духовной субстанции из-за удаленности <телесной субстанции> от источника, о чем я уже неоднократно говорил. Точно так же невозможно, чтобы воля в низшей субстанции была такой же, как в высшей субстанции.

59. Отсюда следует, что уровни воли в духовных и телесных субстанциях различаются между собой способностью проникновения и запечатления, в соответствии с различием субстанций высокого и низкого предела, близостью и удаленностью от них, духовностью и телесностью. Причина различия в действиях воли сводится к материи, восприимлющей ее действие, а не к воле самой по себе, как мы неоднократно упоминали.

Согласно этому утверждению с необходимостью следует, что воля порождает в материи разума существование, то есть всеобщую форму, носящую все формы, без <последствия> времени. Аналог действия всеобщей воли, порождающей всеобщую форму в материи разума, – действие отдельной воли, то есть отдельного разума, порождающего отдельную умпостижимую форму. Иначе говоря, разум изливает эту форму в душу и приносит ее туда вне времени. Точно так же она⁹⁹ порождает в материи душу, жизнь и сущностное движение, а в материи природы и в том, что ниже ее, пространственное движение и другие движения. Но¹⁰⁰ все эти движения ниспосылаются из воли, и воля – это то, что ниспосылает их. Образом приведения в движение волей всех субстанций – духовных и телесных, которые движимы ими <духовными>, может служить движение тела волею души или движение некоторых частей его, как сердце¹⁰¹, если душа рассудит, что они должны двигаться. Это движение, то есть движение, распространяющееся во всех субстанциях от <действия> воли, таково именно из-за различия субстанций, восприимлющих его, но не из-за различия в нем самом, как я говорил.

60. Определить¹⁰² волю практически невозможно. Но она может быть описана, согласно <сказанному> прежде, как то, что проникает от высшего и до низшего, подобно проникновению души в тело и ее распространению в нем, что движет и управляет всем.

61. Материя и форма – как тело и воздух, <с одной стороны>, душа и свет – <с другой>. Воля привязывается¹⁰³ к ним, связывает их и проникает в них, как <проникает> душа в тело, свет в воздух, разум в душу. Ибо, когда проникает воля в материю разума, распространяется в ней и погружается в нее, эта материя через нее обретает знание и постигает формы всякой вещи. А когда <она> проникает в материю души, распространяясь в ней и погружаясь в нее, эта материя становится живой и движущейся и постигает формы сообразно тому, что <содержится> в ее способности, и согласно степени ее <близости> к источнику истины и истоку формы. Когда же <воля>

проникает в материю природы, в телесную материю, погружаясь в них, происходит становление каждой из них в соответствии с тем, чем из способности, движения, фигуры и формы обладает каждая.

62. Действующую волю можно уподобить пишущему, форму, претерпевающую ее действие, – письменам; материю же, подлежащую им, – таблице или странице¹⁰⁴. Воля – это духовная способность, <пребывающая>, однако, выше <области> духовного, и поэтому не сомневайся в ее способности распространяться в материи и охватывать ее наряду с формой¹⁰⁵.

Перенеси это уподобление на распространение способности души, то есть способности зрения, подобной свету, и ее объединения со светом Солнца в воздухе. Тогда воля уподобится <этой> способности, форма – свету, а воздух – материи. И потому говорится, что Творец – да святится Он и да будет благословен! – находится во всем, ибо воля, которая является Его способностью, ниспосылается во всякую вещь и входит во всякую вещь, и ни одна из них не может быть свободной от нее, поскольку через волю существует и становится всякая вещь. Разве ты не видишь, что установление сущности всякой вещи происходит через материю и форму, а установление материи и формы осуществляется через волю, ибо она есть то, что производит их, скрепляет их между собою и держит их. Но мы все же говорим в переносном смысле, что форма держит материю, потому что форма от воли воспримлет способность, через которую она держит материю.

Объясняется это тем, что форма есть запечатление единства, способность удержания принадлежит единству, воля же – это способность <или сила> единства. А если так, то способность удержания принадлежит воле. Но форма держит материю посредством воли. И поэтому мы скажем, что форма держит материю, ибо форма – посредница между материей и волей, она воспримлет все от воли и передает материи. Поскольку воля проникает во все и ниспосылается от Первого Источника, то вместе с ней проникают во все и материя, и форма; и воля, и материя, и форма существуют во всем, и ничто не свободно от них.

63. Воля проникает во все без движения и действует во всем вне времени благодаря своей силе и единству. Это легче понять, если представить себе действие разума и души во всем без движения и вне времени или мгновенное проникновение света без движения и вне времени, хотя он и является телесным и чувственно воспринимаемым.

Если материя обладает плотностью и удалена от источника единства, то она отделяется от восприятия запечатления воли, которое она производит мгновенно, без движения и вне времени. Отсюда с необходимостью следует, что материя движется в воле во времени.

64. Воля – это источник формы разума, которая суть совершенная форма; это то, что творит все и движет все. Образ же творения вещей Творцом – да святится Он и да будет благословен! – я имею в виду <образ> исхождения формы из Первого Источника – воли и истечения ее на материю – это исхождение вод из своего источника и их постепенное истечение на то, что рядом с ними. Однако воля <действует> без конца и без остановки, без движения и вне времени.

Отражение формы в материи, когда она изливается на материю из воли, можно сравнить с отражением смотрящегося в зеркало, ибо материя, согласно этому сравнению, воспримлет форму от воли точно так же, как

зеркало воспримлет форму смотрящего, <то есть> без восприятия материей самой сущности того, чью форму она воспримлет.

Еще ее можно сравнить с чувством, которое воспримлет форму чувственно воспринимаемого, не воспримля его хюлической материи. Точно так же разум воспримлет форму умопостигаемого и не воспримлет его хюлической материи. И точно так же все действующее, которое действует в чем-то ином, действует через свою форму, то есть <тем>, что запечатлевает в нем свою форму.

65. Если ты спросишь: "Почему в душе нет запечатлений мудрости и она нуждается в обучении и припоминании?" – то знай, что душа была сотворена с истинным знанием. Это означает, что она в себе самой содержит знание, соответствующее ей. Но когда душа объединяется с субстанцией и смешивается с ней перемешиванием и объединением, она удаляется от получения этих запечатлений и они остаются в ней сокрытыми. Ибо покрывает душу темнота субстанции, заставляя померкнуть ее свет. Она уплотняется и становится подобной прозрачному зеркалу, которое прилепилось к субстанции мутной и плотной. Оттого и замутняется свет ее души и уплотняется ее субстанция.

И потому Творец – да святится Он и да будет благословен! – оформил субстанцию, то есть этот мир, и установил его сообразно с надлежащим ему порядком, уготовил для души чувства, чтобы постигла она через них чувственно воспринимаемые фигуры и формы (пока не станет постигать душу умопостигаемые формы и фигуры) и чтобы перешла через них из способности в действие. И потому восхождение к знанию вторичных субстанций и вторичных акциденций осуществляется посредством знания первичных субстанций и первичных акциденций.

Из этого утверждения следует, что у чувственного знания нет иного запечатления в душе, помимо того, о котором мы упомянули. И душа, постигая чувственно воспринимаемое, подобна человеку, который смотрит, чтобы видеть вещи. Когда же он отделяется от них, ему остается лишь видение образа и мысли.

66. Польза, доставляемая душе от ее связи с чувственно воспринимаемыми вещами, – это прозрачность души и ее очищение, переход того, что существовало как сокрытая способность, в действие в том смысле, о котором я упомянул выше (а именно в смысле познания вторичных субстанций и вторичных акциденций со стороны первичных субстанций и первичных акциденций).

67. Материя соответствует <первой> субстанции, иными словами, она сотворена ею. Форма соответствует атрибуту субстанции, я хочу сказать, мудрости и единству, хотя субстанции и не может быть приписан атрибут, отличный от ее сущности.

И в этом – различие между действующими и претерпевающими действие, ибо действующий – субстанция единая, а претерпевающий действие <состоит из> двух субстанций, которые суть материя и форма. Первая Субстанция – да святится Он!¹⁰⁶ – и ее атрибут едины в истинном смысле и не различаются. Но материя и форма различны <между собою>, ибо они предел запечатления единства. Под "пределом" я имею в виду начало действия единства. Они – первое из того, что рядом с ним.

Аналогию этому можно взять из множественности, обретающей форму по мере того, как субстанция отделяется от уровня источника единства.

Объясняется же это тем, что материя разума более прочно объединяется с формой и является более простой, чем материя души. Точно так же материя души более прочно объединяется с формой и является более простой, чем материя природы. И <так продолжается> до тех пор, пока не будет достигнуто тело, в котором содержится еще больше множественности и различия.

Точно так же <существуют различные уровни> телесности, ибо тело сферы более прочно объединено и является более простым, чем тела элементов. В <самых> элементах высшее из них более сильно объединением и простотой, чем низшее. И в этом – доказательство того, что всеобщая материя и всеобщая форма немедленно <следуют> за единством воспримлет форму единства принятием изменения и разделения, поскольку один из них является носителем, а другой – носимым¹⁰⁷.

68. Из сказанного выше с необходимостью следует, как то, что Первая Субстанция – да святится Он! – существует определенным образом, благодаря чему отличается от всех других вещей¹⁰⁸, так и то, что из нее <исходит> некоторым образом субстанция, а именно материя с формой¹⁰⁹. Образ действия Первой Субстанции – необходимость; мудрецы же называют материя “возможностью”. Материя называется “возможностью” лишь потому, что в ней есть возможность воспринять форму, иными словами, накрыться ее светом. Эта необходимость подчинена воле¹¹⁰, ибо воля превышает, чем форма.

69. Итак, форма приходит свыше, материя воспримлет ее внизу, иными словами, материя под-лежит в своем существовании под формой, а форма носима ею. Доказательство этому в том, что <бытие>, дающее форму, выше всех вещей. Отсюда следует, что восприимлющее ее <пребывает> под ними. Далее, так как это бытие в истинном смысле, то существование истекает от него.

И чем ближе бытие к источнику существования, тем более сильным становится его свет и тем более упрочено его существование. В чувстве тоже есть то, что об этом свидетельствует; ибо субстанция более достойна существования, чем акциденция, а количество – более, чем качество.

70. Материя воспримлет форму от Первой Субстанции посредством воли, которая дает форму, располагающуюся в ней и обитающую в ней¹¹¹. Доказательством того, что воля – нечто иное, чем форма, является потребность формы в том, что ее движет, измеряет и разделяет. И <мы можем перечислять> другие вещи, через которые доказывається <существование> воли.

71. Я уже сравнивал творение с вытеканием вод из источника и с отражением формы <смотрящего> от зеркала. Творение также можно уподобить слову, которое изрекает человек. Ведь когда слово произносится, то запечатлеваются форма его и смысл в слухе слушающего и в его разуме. И говорят, согласно этому приближению, что Творец – да святится Он и да будет благословен! – изрек Слово и смысл его запечатлился на сущности материи, которая сохранила его; иными словами, сотворенная форма запечатлела его в материи и оттиснула его на ней. Голос здесь соответствует всеобщей материи, ибо голос и есть всеобщая материя,носящая все отдельные голоса, которые <в свою очередь> носят тона, движения и паузы. Также внешняя форма – это форма слышимого слова, и она разделена на

отдельные формы, носимые каждой из отдельных материй (под отдельными материями я имею в виду тона). А внутренняя форма – это смысл слова, который разъясняет его. И каждая из двух вещей нуждается для своего существования и упрочения в Производящем ее.

72. Итак, мы выяснили из всего сказанного, что нет в сотворенных вещах <ничего>, кроме материи и формы, что воля – это божественная сила <или способность>, проникающая во все, подобно проникновению света в воздух, души в тело, разума в душу.

73. Поэтому всегда стремись постичь сущность всеобщей материи и всеобщей формы отдельно друг от друга, понять способ их отличия, коренящийся в форме, а также качество ниспосылания последней и ее проникновения в материя в безусловном смысле и ее прохождение по всем субстанциям сообразно их степеням. Отличай материя от формы, форму от воли, волю от движения и отделяй в своем разуме одну от другой истинным отделением.

Когда же возмеешь ты это знание, улучшится и очистится душа твоя и разум твой прояснится и проникнет в мир разума; и вот ты постигнешь всеобщность материи и формы и <увидишь>, что материя <пребывает> во всех формах, которые содержатся в ней, подобно книге, лежащей перед глазами. Ты будешь всматриваться в ее запечатления и исследуешь их фигуры своєю мыслью – только так ты сможешь надеяться познать то, что следует за уже познанным.

Цель же всех этих усилий – познать мир Божественности, который есть Великое Все, а все, что ниже его, в сравнении с ним ничтожно. Путь к этому благородному знанию – двух родов¹¹². Первый – со стороны воли, объемлющей материя и форму, то есть наивысшей способности, не облеченный ни в материя, ни в форму. Постигание же этой способности, <полностью> отличной от материи и формы, <происходит> через связывание со способностью, облеченной в материя и форму, и восхождение с ее помощью, ступень за ступенью, к Началу и Источнику всего. Плод же, извлекаемый из этих усилий, – избавление от смерти и соединение с Источником Жизни.

74. Если ты спросишь: “С помощью чего достичь этой возвышенной надежды?” – то я отвечу: отделись от чувственно воспринимаемого и, погружаясь в умопостигаемое, соединишься с Дающим Благо. И когда ты сделаешь это, Он взглянет на тебя и сотворит тебе добро, ибо Он – источник благо-дарения – да святится Он и да будет благословен! Аминь.

Примечания

Перевод с еврейского выполнен по изданию: *Munk S. Mélanges de philosophie juive et arabe*. Paris. 1858.

¹ По всей вероятности, речь идет о дошедшей до нас в отрывках книге Эмпедокла “О природе”.

² То есть это вещь возможная, а не необходимая, ибо материя – лишь *способность* бытия, вещь в *возможности*.

³ Материя частная искусственная (евр. “млахати”, от “млаха” – “работа”, “ремесло”). “Иными словами, материя, которая является предметом ремесла и служит рабочему и ремесленнику для его работы. Третий вид материи – это материя подлунных вещей, подверженных возникновению и уничтожению. Четвертый вид материи – материя небесных сфер, которые не рождаются и не погибают...” (Аристотель. О небе, I. 3).

⁴ “Внешнее” и “внутреннее” следует переводить как “видимое” и “невидимое”. Еврейское “пними” (внутреннее) представляет собой перевод арабского термина, обозначающего – “внутренний”, “тайный”, “невидимый”, в противоположность “явленному”, “видимому”.

⁵ Имеются в виду девять аристотелевских категорий, за исключением первой – сущности. Во всем еврейском тексте “сущность” и “субстанция” обозначаются одним и тем же словом – “эцем” (дословное значение – “кость”, “суть”, “самость”). Их перечисление см. III, 21.

⁶ Первичными акциденциями и первичными субстанциями считаются все, что являются объектом чувственного восприятия, а вторичными – восприятия разума, которые следуют за ними и осуществляются посредством чувств.

⁷ В примеч. 4 к оригиналу говорится, что автор, по всей вероятности, имеет в виду общие, абстрактные понятия типа понятия рода, вида и т. д. Он намекает на то, что называется “категоремы” или “quinque voces” (“пять понятий”) в трактате Порфирия “Введение в “Категории” Аристотеля” (или “О пяти общих понятиях”). Действительно, мы обнаруживаем здесь пять категорем, за исключением “акциденции”. Слово “нэ’эмарот” (букв. “сказанные”), используемое Ибн Гебиroleм во фразе “материя – носительница категорий”, кажется, прилагается здесь и к категориям, и к категоремам. А слова “их общность” и “их различия” скорее всего относятся к категоремам. По-видимому, автор имеет здесь в виду то, что Порфирий разъясняет в конце своего трактата (гл. VI и далее).

⁸ Здесь слово “род” использовано в смысле “категории”. Сам Аристотель часто дает категориям имя родов, так как они представляют собою наиболее общие роды, обозначаемые словами.

⁹ Еврейское слово “махут” – абстрактное существительное от вопросительного местоимения “ма” (“что”, “чтоность”); “ламмут” – абстрактное существительное от “ламма” (“почему”). “Ламмут” – конечная причина родов сущего, “то, ради чего”.

¹⁰ В еврейском тексте для обозначения материи используются два слова: “йесод” (букв. “основа”, “основание”, “элемент”) и “хомэр” (букв. “глина”); Мунк везде переводит “хомэр” (в отличие от “йесод”), в подавляющем большинстве случаев как “хюлическая” (от греч. “хюле”) материя, усматривая в этом термине аналог арабского “хийулани”.

¹¹ Мунк приводит и латинскую версию (переведенную на еврейский язык): “Уровень познания воли в сравнении с уровнем познания материи и формы соответствует уровню знания о душе в сравнении с учением о теле и уровню знания материи и первой формы в сравнении с учением о разуме” (см. в оригинале примеч. 4).

¹² В тексте дословно: “И он распространяется во всем...” Исправлено по переводу Мунка в соответствии с латинской версией.

¹³ Все последующие глаголы в еврейском тексте стоят во множественном числе без указания их подлежащего. Мунк предполагает, что им является “единство” и в латинской версии указанные глаголы приводятся в единственном числе.

¹⁴ “Природа является последней из простых субстанций и их пределом. От нее и до центра Земли, который является в то же время центром всей Вселенной, простирается, в различных степенях, субстанция, которая носит категории” (см. в оригинале примеч. 1, с. 53).

¹⁵ Уже древние намекали на теорию, которая помещает начало составной субстанции в область воздуха, части которого более разделены и рассеяны, чем части огня. При этом имеется в виду “Сефер Йецира” – эзотерический трактат, написанный между III и VI вв. и приписываемый каббалистической традицией самому патриарху Аврааму. В нем большую роль играют числа (“сефирот”) и буквы. Последние (элементы слова, или “творческого речения”) превращаются в дуновение или в воздух и пребывают на границе умопостигаемого и физического миров. Через них Дух сотворил душу всего, что создано и что еще надлежит создать. Автор книги считает, что Творец создал вначале тридцать два пути, то есть десять чисел и двадцать две буквы (число букв еврейского алфавита). Сотворив воздух, поместил эти тридцать два

пути, тем самым воздух разделен на части посредством числа, которое, проявляясь в нем в виде прямых линий и кругов, породило определенные фигуры (см. в оригинале примеч. 2, с. 34–35).

¹⁶ Под “духом” автор подразумевает, вероятно, сочетание трех “духов”, признаваемых древними: духа физического, или природного, духа жизненного и духа животного.

¹⁷ Перевод § 5 сделан по латинской версии, приводимой Мунком в примечании по-еврейски. Еврейский текст данного отрывка темен и с трудом поддается интерпретации. Французский перевод Мунка таков (с. 39): “Чем более понижается субстанция, тем более множественной она становится; чем более она возвышается, тем более приобретает характер единства, что завершается достижением истинного единства. Отсюда следует, что множественная субстанция достигает субстанции истинно единой”.

¹⁸ Возможно, в еврейском тексте вместо “для вещи” (“ле-давар”) следует читать “для вечного” (“ле-дохар”). Слова “мера для имеющего меру” Мунк истолковывает в смысле “длительности для какой-либо вещи, которая длится”. Еврейское “мидда” – калька с арабского “мудда”, что означает “отрезок времени”.

¹⁹ “Жизненный дух” (евр. “ха-руах ха-хийуни”), в латинской версии – “spiritus animalis”; но в арабском оригинале, несомненно, звучало как “ар-рух ал-хайваниа”, где “хайваниа” восходит к арабскому “хайат” – “жизнь”, а не к “хайван” – “животное”.

²⁰ Дословно: “и это – в степени света...”

²¹ “То есть огонь и воздух как субстраты для теплоты” (см. в оригинале примеч. 1, с. 43).

²² В данном параграфе Мунк везде переводит еврейское “коах” (“сила”, “способность”) как “способность”; мы решили употребить слово “сила” для подчеркивания динамического характера взаимодействия простых субстанций.

²³ См.: Аристотель. О душе. Кн. II, 12.

²⁴ См. примеч. 8.

²⁵ Дословно “напротив” (евр. “ноах”).

²⁶ О семи видах количества см.: Аристотель. Категории. Гл. 6 (число, слово, линия, поверхность, тело, время, место).

²⁷ Имеются в виду три души, на которые подразделяется универсальная душа и которые соответствуют трем способностям человеческой души (см. кн. V, § 13). То, что автор говорит о простых субстанциях и их степенях, в общем виде заимствовано у неоплатоников. См., например: Плотин. Эннеады, IV, 8, 3: “Обращенная к тому, что предшествует [то есть к разуму], она [душа] размышляет; обращенная к себе самой, она является принципом своего надлежащего сохранения; обращенная к тому, что следует за ней, она служит для его упорядочения, управления и господства над ним”.

²⁸ “Я не знаю, какие могут быть “семь способностей”, которые автор приписывает здесь каждой из семи простых субстанций. Возможно, эти слова не следует брать в строгом смысле. ...Возможно, что он вообще обозначает различные силы или способности, которые существуют во всех простых субстанциях и которые соответствуют семи видам количества” (см. в оригинале примеч. 5, с. 49).

²⁹ “То есть что каждая из них является следствием высшей субстанции и причиной низшей” (см. в оригинале примеч. 1, с. 50).

³⁰ Перевод Мунка: “действие, соответствующее способности порождать и творить”. Для глагола “производить” (в еврейском тексте он передан причастием мужского рода настоящего времени с определенным артиклем) еврейский переводчик использует слово “мо’ил”, дословно обозначающее “приносящий пользу”, “полезный”. По мнению Мунка, “мо’ил” соответствует арабскому слову, обозначающему “полезный”, “дающий” и “производящий”.

³¹ Мунк переводит еврейское “то’элэт” (“действие произведения”) как “действие быть полезным, давать и производить”. Дословный перевод этого слова с еврейского – “польза”.

³² Дословно: "и все они соучаствуют в идее формы".

³³ "Последняя фраза в еврейском тексте искажена, как и в латинской версии. Латинская версия: "И эта всеобщая форма объединяется в форме души. В таком случае формы, которые она собирает, объединяются в форме души". Возможно, неясность существовала еще в первоначальном арабском тексте" (см. в оригинале примеч. 1, с. 52). Мы вместо "в форме души" в ряде случаев переводили "с формой души", пытаясь прояснить смысл.

³⁴ Еврейское "ха-зулат" – "иной", "другой". Мунк усматривает здесь перевод арабского термина, обозначающего "то, что является иным, чем бытие". Латинский перевод – "non esse".

³⁵ "Формы чувственные и умопостигаемые в душе находятся в потенции, и согласно тому, склоняется ли она к чувствам или к разуму, те или другие переходят в актуальное бытие" (см. в оригинале примеч. 2, с. 54).

³⁶ В еврейском тексте "нафшит" – "душевно" или, как переводит Мунк, – "психически"; в латинском тексте – "animaliter". "Здесь – разделение души на три способности, названные "психической", "жизненной" и "природной". Это разделение в особенности признавалось средневековыми врачами, которые местопребывание первой помещали в мозг, второй – в сердце, а третьей – в печени" (см. в оригинале примеч. 3, с. 54).

³⁷ "Во сне преобладает психическая способность; в состоянии пробуждения – природная, или физическая. Таким образом, то, что переходит в действие, – это форма, которая потенциально находится в каждой из способностей" (см. в оригинале примеч. 4, с. 54).

³⁸ "Это – четыре способности, которые действуют в питании растений и животных. Притягивающей способностью растение притягивает частицы земли и воды, пригодные к его питанию. У животных эта же способность притягивает части пищи, которые соответствуют природе их тел. Способностью сохранения растения и животные удерживают притянутую субстанцию. Способностью преобразования, или пищеварения, притянутая субстанция превращается в субстанцию растения или животного. Наконец, способностью выталкивания тела выталкивают остатки, не пригодные для их организации" (см. в оригинале примеч. 1, с. 55).

³⁹ Мы перевели как "тон" еврейское "н'гимот", обозначающее "звуки, интонации, мелодии речи".

⁴⁰ "Риббонут" – абстрактное существительное от "риббон" – "господин", "властелин". Мунк усматривает здесь имитацию арабского "рабаниййа" ("божественности").

⁴¹ "То есть составные субстанции становятся все более плотными, по мере того как они занимают более низкий уровень бытия" (см. в оригинале примеч. 4, с. 57).

⁴² Дословно: "чтобы ты отразил изменение в силе не на сущность силы..."

⁴³ Мунк переводит это место как "образует ее идею" ("forme une idee").

⁴⁴ Мунк переводит как "зависит от нее"

⁴⁵ "Здесь автор понимает под "высшими вещами" роды и виды, а под низшими – индивидов" (см. в оригинале примеч. 1, с. 66).

⁴⁶ "Автор хочет объяснить, как эти субстанции, составленные из материи и формы, могут быть названы "простыми" (см. в оригинале примеч. 2, с. 66).

⁴⁷ "Этот параграф представляет многочисленные затруднения – и не только тем, что трудно проследить его связь с предшествующим и последующим изложением. Взятый сам по себе, он с самого начала не отличается последовательностью идей, которую легко проследить. К несчастью, латинская версия данного параграфа довольно беспорядочна вследствие многочисленных перестановок и с ее помощью невозможно дополнить еврейский текст. Далее в еврейской рукописи параграф крайне искажен. Вот как выглядит, можно предположить, логическое содержание параграфа: "Отдельный разум составлен из материи и формы (это то, что автор показал ранее). Отсюда следует, что всеобщий разум в равной степени составлен из материи и формы. То, что истинно для всеобщего разума, является таковым и для каждой из простых

субстанций. Если это так, то, говоря о всеобщей материи и всеобщей форме, следует первоначально выяснить взаимную связь простых субстанций: как связь материй и их форм по отдельности, так и связь материй и форм этих субстанций с материями и формами телесного мира. Перед тем как приступить к рассмотрению этого вопроса в § 12, автор приводит еще несколько доказательств, устанавливающих существование материи и формы в простых субстанциях" (см. в оригинале примеч. 3, с. 66–67).

⁴⁸ "Число "два" следует непосредственно за числом "один"; то, что следует за "единицей", должно быть "двоицей" (материей и формой). И если бы мы предположили простую субстанцию, которая была бы только материей или только формой, то не существовало бы никакого возможного посредника между Абсолютно Единым (Творцом) и этой субстанцией; следовательно, они смешались бы вместе" (см. в оригинале примеч. 2, с. 70).

⁴⁹ "Говоря "умопостигаемая вещь" или "умопостигаемое", мы устанавливаем свойство и определяемую этим свойством вещь, то есть форму и некую вещь, которая носит эту форму..." (см. в оригинале примеч. 2, с. 71).

⁵⁰ Еврейское "ха-генэс" – форма латинского genus (род).

⁵¹ "Под этой второй материей автор понимает ту, что носит форму телесности или духовности, в то время как первая – это универсальная материя в абстракции" (см. в оригинале примеч. 1, с. 72).

⁵² "Эта третья материя является... материей в абстракции от телесности; или той, которая является телесностью в возможности, подобно материи элементов и материи сфер" (см. в оригинале примеч. 2, с. 72).

⁵³ "В латинской версии также употреблено множественное число – animae sensibilis. Кажется, автор обозначает этими словами растительную душу и жизненную душу в прямом смысле" (см. в оригинале примеч. 2, с. 74).

⁵⁴ "Возможно, автор хочет сказать, что каждая предпосылка в отдельности берется в разум, так как она является результатом суждения. С другой точки зрения, это – первая субстанция или бытие чистое и абсолютное, которое представляет собою "монаду", в то время как разум находится на уровне "диады" – см. кн. V, конец § 30" (см. в оригинале примеч. 2, с. 77).

⁵⁵ Латинская версия: "ab idemptitate ad extraneitatem". Возможно, автор обозначает так логические процессы, которые принадлежат рассудочной способности души. Видимо, не следует изменять еврейский текст (Мунк изменил арабское "ми-ха-хайот" ("из бытия") на еврейские "ми-ху ху" ("из тождественного"), тогда следует переводить "движется от бытия к тому, что не является бытием", так как в кн. III, § 26 автор говорит, что субстанция разума постигает бытие во всех вещах, в то время как субстанция души постигает иное, чем бытие (см. в оригинале примеч. 3, с. 77).

⁵⁶ См. примеч. 38.

⁵⁷ "То есть оно является отражением Истинного Единства, или Бога" (см. в оригинале примеч. 3, с. 78).

⁵⁸ Мунк переводит как "хюлическое" еврейское слово, образованное от "хомэр" ("материя", "глина"). Мунк считает это слово переводом арабского "хийулиани" (см. в оригинале примеч. 1, с. 79). Оно, как правило, используется раввинами для обозначения hyle Аристотеля, соответствующего арабскому "хийули". Для Ибн Гебириля hyle – лишь часть универсальной материи, которая всегда обозначается словом "йесод" – "основа", "элемент" (см. в оригинале примеч. 2, с. 81; см. также примеч. 10 в наст. изд.).

⁵⁹ Перевод Мунка: "обладающими большим знанием".

⁶⁰ "Три формы, о которых говорится здесь от имени Платона, не соответствуют в точности трем формам, которые только что установил наш автор. В этих последних не фигурирует "форма элементов", в то время как в формах Платона не фигурирует "форма, существующая в сущности воли", та форма, которая более чем все остальные имеет платонический вид и напоминает идеи (см. кн. V, § 19)".

⁶¹ Четыре первых качества – "принципы подлунного мира: тепло и холод, сухость и влажность, соответствующие четырем первоэлементам" (см. в оригинале примеч. 1, с. 88).

⁶² "Наука о материи и форме есть лишь подготовка к науке о воле (см. книгу II, § 20). Автор различает три части науки: о материи и форме, о воле и о первой субстанции" (см. в оригинале примеч. 3, с. 89).

⁶³ "То есть производит то, что объекту, в котором она находится, принадлежит некий род и что он обладает определенной формой" (см. в оригинале примеч. 1, с. 91).

⁶⁴ В тексте – абстрактное существительное от еврейского "мйн" – "род". Мунк переводит это слово как "le specification".

⁶⁵ В еврейском тексте здесь употреблено слово "мци'ўт" ("существование", "наличие", "действительность"). Мы перевели это слово как однокоренное ему "мци'а" ("находка", "отыскание"). Перевод Мунка: "ты должен найти..."

⁶⁶ "Правильный сон" означает состояние, в котором человек способен сделать сновидения ясными, так что их легко истолковать" (см. в оригинале примеч. 1, с. 95).

⁶⁷ См. кн. IV, § 7.

⁶⁸ Мы перевели как "сродство", еврейское "гензут" – абстрактное существительное от "ГэНэС". Перевод Мунка: homogeneity.

⁶⁹ Мы дословно перевели еврейское "шбкед'алэйа", где глагол "шакад" означает "упорствовать", "усердствовать". Мунк передает его глаголом "perseveret" ("быть настойчивым, настойчиво придерживаться чего-либо, упорствовать").

⁷⁰ "Не следует удивляться тому, что воля фигурирует в доктринах, приписываемых Платону и неоплатоникам. Арабы часто возводили к Платону и другим древним философам спекуляции современных им теологов. Согласно Шахрастанани (История религиозных и философских сект, перевод с арабского на немецкий Хаарбрюккера, т. II, с. 126–127) Анаксагор не рассматривал волю и действие <Бога> как вещи, существующие сами по себе, и как сущностную форму вещей, но как вещи, которые существуют лишь в своих объектах, то есть представляют собою лишь отвлеченные идеи вещей, произведенных первым действием. Согласно Платону и Аристотелю, наоборот, воля и действие существуют сами по себе, как отдельные формы, более простые, чем формы своих объектов. Эти формы, отождествленные с сущностью Творца, являются посредниками между Ним и объектом Его действия. Парменид Младший, прибавляет этот же автор, признавал этот взгляд в том, что касается воли, но не в том, что касается действия; ибо, говорил он, воля эманурует из Творца без посредника, в то время как действие эманурует лишь через посредство воли" (см. в оригинале примеч. 3, с. 101).

⁷¹ Мы перевели как "занимать <место>" еврейский глагол "тарад" ("утруждать", "доставлять беспокойство"). Латинская версия – "impediunt locum".

⁷² "То есть то, что выше разума и первой материи – а именно воля" (см. в оригинале примеч. 1, с. 104).

⁷³ "Первый разум есть форма истинная и абсолютная, ибо нет ничего выше его, чему он мог бы служить материей. тогда как простые субстанции могут быть рассмотрены то как материя, то как форма. Каждая из них служит материей для того, что выше, и формой для того, что ниже. С другой стороны, автор рассматривает высшее как материю и низшее как форму, потому что высшее, более всеобщее, обособляется в низшем. С этой точки зрения абсолютной формой является телесность" (см. в оригинале примеч. 1, с. 106).

⁷⁴ Ниже (§ 52) разум обозначен как "третий разум" – в сопоставлении с "хьюлическим разумом" и "действующим разумом".

⁷⁵ Описание в примечании к оригиналу характеризуется как несовершенное определение, например когда предшествующее обозначается через последующее, а видовое отличие – через качество или акциденцию (см. Аристотель. Топика, IV, 4; Метафизика, VII, 4).

⁷⁶ В тексте, воспроизведенном латинским переводчиком, ученик в этом месте делает возражение, спрашивая, как универсальная форма может быть названа "субстанцией"; ведь она *посима* материей (так что она должна скорее рассматриваться как акциденция). Вот сущность ответа учителя: в самом деле, она является *акцидентальной*, когда ее рассматривают как носимую материей. Но саму по себе ее с

полным правом можно квалифицировать как *субстанцию*. Акциденция является акциденцией не потому только, что она *посима*, но потому, что она полностью исчезает, когда отделяется от вещи, которая ее носит, в то время как форма неуничтожима. По правде сказать, форма не существует сама по себе и возможно представить ее существование лишь соединенной с материей. Но не существуя актуально без материи, она может, однако, в нашем представлении быть отделенной от материи как вещь в потенции (ep puissance) (см. кн. IV, § 32), в то время как истинная акциденция не может даже в представлении рассматриваться как существующая сама по себе" (см. в оригинале примеч. 3, с. 108–109).

⁷⁷ "Иными словами, <простые субстанции> не имеют конечной причины (она же является "четвертой причиной"). Еврейское "ламмут" – абстрактное существительное от "ламма" ("почему"). Цель параграфа – показать, в каком смысле можно говорить, что простые субстанции имеют конечную причину" (см. в оригинале примеч. 1, с. 109).

⁷⁸ Еврейский переводчик использовал парафраз "аннийя", не сумев найти соответствующее еврейское слово для передачи арабского термина, обозначающего *чистое существование*; о нем осведомляются в первую очередь при исследовании вещи; это *бт'ейти*, или *ей'ейти*, которое Аристотель взял за основу рассмотрения какого-либо предмета во всякой науке (см. Последние Аналитики, II, 1). Следует вывести арабский термин из союза "ан" или "анна" (лат. que, греч. *ὅτι*). "Аннийя" обозначает, что вещь *есть* или *есть ли* вещь. В латинском языке этот термин переводится вопросом "an est". Неоплатоник Бахья ибн Пакуда в трактате "Обязанности сердца" (кн. I, 4) также отмечал, что в исследовании вещи необходимо рассматривать: 1) *есть ли* вещь или ее нет ("аннийя"); 2) *что* она есть; 3) *как* она есть; 4) *почему* она есть (что включает четыре причины)" (см. в оригинале примеч. 3, с. 110).

⁷⁹ "То есть бытие чистое и простое, которое не имеет ни "что такое", ни качества, ни конечной причины и к которому применим лишь вопрос "есть ли" (см. в оригинале примеч. 1, с. 111–112).

⁸⁰ "Разум, будучи общим местом форм и не имея собственной особой формы, тем более не имеет качества. Качество как некая акцидентальная вещь не подобает разуму, который является абсолютным совершенством (см. III, § 30). Иными словами, ни один из четырех родов категорий, перечисляемых Аристотелем (Категории, VIII), неприложим к разуму" (см. в оригинале примеч. 1, с. 112–113).

⁸¹ "Природа имеет конечную причину в душе – см.: Аристотель. О душе, II, 4" (см. в оригинале примеч. 2, с. 113).

⁸² "То есть он в одном отношении является "субстратом", а в другом – тем, что носимо этим субстратом" (см. в оригинале примеч. 1, с. 115).

⁸³ "То есть простые субстанции, рассмотренные каждая в себе самой, имеют предел через высшее, так как каждая ограничена той, что предшествует ей как действующая причина, и вдобавок воля ограничивает их все, но не имеют предела через нижнее, ибо все они непрерывно эмануруют одни из других" (см. в оригинале примеч. 3, с. 117).

⁸⁴ Мунк считает, что эта фраза относится к форме: "ты увидишь, что <форма>, по мере того как она спускается, становится более телесной". Но все глаголы здесь стоят в мужском роде, в то время как еврейское слово "форма" ("цура") – женского рода. Возможно, имеется в виду нижний предел ("к'шэ" – мужского рода) материи, облеченный в форму.

⁸⁵ "Смысл здесь таков: если ты сможешь соотнести духовную субстанцию с волей, ты убедишься, что в сравнении с этой последней духовная субстанция сама является ничтожной, и, следовательно, ты найдешь, что телесная субстанция еще более ничтожна" (см. в оригинале примеч. 1, с. 119).

⁸⁶ "Автор имеет в виду высший предел духовной субстанции. Если дух помещается в этом отношении свыше бытия, он одновременно парит над землей и над небесной сферой, которая является нижним пределом духовной субстанции, пределом, где находится природа. Тогда нужно признать, что отношение телесной субстанции (то

есть неба и земли вместе) к духовной субстанции подобно отношению между землей и небом. Таково же отношение всего бытия к воле" (см. в оригинале примеч. 2, с. 119).

⁸⁷ Мунк переводит – "атом".

⁸⁸ Еврейское "имра" – слово (логос) или воля. Древнееврейские комментаторы обычно объясняли "слово" творения в смысле "воли" (см. в оригинале примеч. 2, с. 121).

⁸⁹ См.: *Аристотель*. Метафизика, XII, 7.

⁹⁰ Дословно: "затрудненное", "утяжеленное".

⁹¹ "Имеется в виду астрономическая система Птолемея" (см. в оригинале примеч. 1, с. 124).

⁹² "Под *первым разумом* автор, очевидно, понимает то, что арабские философы обычно называли "материальный" или "хюлический разум". Это простая возможность, предрасположенность, которую имеет разумная способность для выделения форм. Когда этот разум научился отделять формы, он превращается в *активный действующий разум*. Когда же этот *действующий разум* превратился каким-либо способом в способность человека, так чтобы он мог сразу и не прилагая новых усилий отождествить умопостигаемые формы, его называют "вторым разумом". Именно эти две ступени развития образуют то, что автор называет "приобретенный разум". Это развитие происходит под влиянием *активного всеобщего разума*, который выше (см. § 25) был обозначен как "*первый разум*", а здесь назван "*третьим разумом*" (см. в оригинале примеч. 2, с. 127).

⁹³ "Особенные души – это различные способности человеческой души; под "всеобщими душами" автор понимает способности всеобщей души, одной из простых субстанций" (см. в оригинале примеч. 1, с. 128).

⁹⁴ То есть к формам, которые исходят из всеобщего разума.

⁹⁵ Холод-тепло, сухость-влага.

⁹⁶ "Здесь явное противоречие тому, что автор, – говорится в примечании к оригиналу текста, – сказал в § 46, то есть что движение становится более медленным по мере того, как оно *удаляется* от совершенства. Но говоря об *уменьшении* движения в высших сферах, автор хочет сказать, что движение становится все более и более единым именно по причине его скорости. Ибо чем медленнее движение, тем более множественным и прерываемым интервалами покоя оно может казаться, в то время как движение бесконечно быстрое является целиком единым и происходит, так сказать, вне времени, что и хотел сказать автор".

⁹⁷ Дословный перевод: "И если подтвердилось рядом с тобой". Дословное значение глагола "хит'аммет" – "подтверждаться", "оказываться правдой", от еврейского "эмэт" ("истина", "правда").

⁹⁸ "Иными словами, то, что доказывает, что воля существует независимо от материи и формы, – это движение, которое имеет свое основание в воле (из которой оно эманурует) и которое, ниспосылаясь на различные ступени, производит то, что определенные субстанции остаются в тени, в то время как другие получают свет воли". Мунк предполагает, что следует читать: "ее (то есть воли) тень и ее лучи", что выглядит более естественно. В еврейском тексте слово "воля" – мужского рода, "движение" – женского и слова "тень" и "лучи" имеют местоименные суффиксы женского рода (см. в оригинале примеч. 5, с. 131).

⁹⁹ Мунк считает, что "она" – это воля. Однако здесь также все местоименные суффиксы стоят в женском роде и чисто грамматически они могут быть отнесены только к форме. Возможно, сюда также относятся замечания, сделанные в примеч. 98.

¹⁰⁰ Мунк полагает, что начало этой фразы можно перевести: "Разве ты не видишь, что..."

¹⁰¹ По мнению Мунка, этот абзац несколько неясен. "Возможно, нужно вычеркнуть слова "как сердце" или заменить его названием другого члена, чье движение действительно зависит от воли души. ...Латинская версия не может здесь служить для прояснения текста, так как она совершенно иная" (см. в оригинале примеч. 2, с. 133).

¹⁰² В тексте вместо слова "определить" стоит слово "описать". Мунк полагает, что эта фраза должна иметь тот же смысл, что и в § 29.

¹⁰³ Дословно: "подвешивается". "подвешена" (евр. "нитла").

¹⁰⁴ "Автор хочет объяснить в этом параграфе: 1) в чем форма отличается от воли, так как и об одной, и о другой он говорит, что они проникают в материю; 2) что, так же как воля проникает во все вместе с формой, Бог проникает во все вместе с волей" (см. в оригинале примеч. 1, с. 136).

¹⁰⁵ "То есть в то же время, когда форма окружает материю" (см. в оригинале примеч. 3, с. 136).

¹⁰⁶ Слова "да святится Он!" показывают, что под "Первой Субстанцией" автор имеет в виду Бога

¹⁰⁷ Текст этого параграфа несколько темен. Смысл его может быть таков: всеобщая материя и всеобщая форма, будучи непосредственным порождением единства, объединяются настолько, что образуют почти абсолютное единство, и в них не различается то, что носит, и то, что носимо. Однако в природе форма воспринимается как нечто отличное и отделенное от материи (см. в оригинале примеч. 2, с. 142).

¹⁰⁸ "То есть Божественная субстанция едина и не имеет никакого атрибута, внешнего для ее сущности, в то время как другие субстанции множественны" (см. в оригинале примеч. 3, с. 142).

¹⁰⁹ "Материя и форма – только одна субстанция, так как они могут эмануровать лишь вместе из воли Творца, ибо она, творя, не может создать одну только материю, которая суть небытие" (см. в оригинале примеч. 1, с. 145).

¹¹⁰ То есть необходимость исключительно со стороны воли, которая выше формы и которая с необходимостью создала материю и форму вместе (см. в оригинале примеч. 3, с. 145).

¹¹¹ Латинская версия здесь несколько иная: "Материя принимает форму от Первой Субстанции через посредство воли, и поэтому говорится, что материя подобна Престолу Единства, и воля дает ей форму, располагаясь в ней и обитает в ней". Иными словами, не форма, а воля – обиталище для материи, которая представлена как Престол Бытия Абсолютно Единого, или Бога. Автор делает намек на "Престол Славы" (3 Цар. 22:19; Ис. 6:1).

¹¹² Мунк переводит согласно латинской версии: "К этому ведет двойной путь" (лат. *duo modi*). Автор хочет сказать, что в мир Божественности можно проникнуть лишь через науку о воле, которая, в свою очередь, предполагает знание материи и формы. Поэтому необходимо проходить "двойной путь". Еврейский текст дословно – "с двух сторон".

Перевод и примечания О. О. Ладоренко

ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

ИБН ГЕБИРОЛЯ

О. О. Ладоренко

Соломон бен Иегуда ибн Гебириоль (ок. 1021–1055 или 1070) – еврейский философ-неоплатоник и религиозный поэт, живший в арабо-мусульманской Испании. Он занимает уникальное положение в пересечении двух культурных традиций: его философские воззрения, отразившиеся в единственно дошедшем до нас трактате "Источник жизни", представляют собой строгую и логически продуманную концепцию с обширными и разветвленными системами доказательств. Переведенный в XII в. на латинский язык, он послужил одним из источников францисканской схоластики. Что касается поэтического творчества Ибн Гебириоля, то оно разительно контрастирует с его философским трактатом как по стилю и выразительным средствам, так и по своему духовному настрою. В тех стихах, где излагаются "космологические" представления Ибн Гебириоля или звучит "мистическая струна", ясно чувствуется влияние ранних мидрашей гностического типа, в частности знаменитого "Пирке р. Элиэзер". Несомненно и его знакомство с "Книгой творения" ("Сефер Йецира"), основным памятником протокаббалистической мистики (создана между III и VI вв.). Детальные описания высших сфер, небесных

завес и ангельских обитателей навеяны духом еврейской “мистики Чертогов” (“Хехалот”). В пространстве того же “эпистемологического поля” и упоминаемые Авраамом ибн Эзрой попытки Ибн Гебириля вычислить и предсказать наступление Судного дня, опираясь на книгу пророка Даниила.

Подобное раздвоение на “поэта-тайновидца” и строгого логика и поныне остается психологической загадкой для исследователей жизни и творчества Ибн Гебириля. В принципе в средние века это далеко не редкость. Характерной чертой всех средневековых философов “было парадоксальное соединение мистического (иногда с оккультным оттенком) порыва с ориентацией на строгую методологию и системность, подобные математической или юридической. Чудо и число, закон и тайна – все это не противоречило друг другу, но как бы помогало выявляться”¹. Однако у Ибн Гебириля две “составляющие” оказываются разведенными по разным полюсам его творчества, практически не пересекаясь. (Правда, в его крупнейшей религиозной поэме “Царский венец” обнаруживается – с незначительными вариациями – ряд философских идей “Источника жизни”.) С другой стороны, “мистические” компоненты упомянуты и в “Источнике жизни”, но лишь вскользь и настолько завуалированно, что практически проходят мимо внимания читателя.

С именем Ибн Гебириля связан еще один парадокс: его поэзия пронизана глубоким и сильным религиозным чувством; его гимны стали неотъемлемой частью синагогальной литургии. В то же время “Источник жизни” никоим образом не намекает на конфессиональную принадлежность автора. В нем ни разу не цитируется Библия, что практически невероятно для еврейской философии. Религиозная анонимность трактата укрепила мнение представителей европейской схоластики о его авторе как о загадочном мадре Авицебронне или даже христианине. Вплоть до второй половины XIX в. он выступал в истории культуры под двумя разными именами: как прославленный еврейский поэт Ибн Гебириль и как “Авицеброн” схоластики. Тождество Авицебронна и Ибн Гебириля было установлено французским ориенталистом С. Мунком, нашедшим среди манускриптов Императорской библиотеки Парижа рукопись “Источник жизни” на еврейском языке (оригинал был написан на арабском языке, ибо последний считался “философским языком” испанских евреев). Сличение рукописи с латинским переводом полностью подтвердило авторство Ибн Гебириля. Хотя все последующие еврейские неоплатоники находились под несомненным влиянием Ибн Гебириля, воздействие “Источника жизни” на последующее развитие еврейской философии оказалось незначительным. В то же время трактат прочно вошел в круг идей европейской схоластики.

Вместе с тем он повлиял не только на еврейских неоплатоников, но и в определенном смысле на формирование испано-провансальской каббалы, главным образом на Исаака ибн Латифа, представителя “квазифилософской” школы в каббализме (1220–1290). И представители европейской схоластики, и еврейские каббалисты восприняли, правда в совершенно различных “преломлениях”, два важнейших “смысловых узла” всей его системы – доктрину божественной воли и учение о всеобщей материи и форме (в особенности о духовной материи).

Содержание волонтаристских представлений Ибн Гебириля, их философские истоки – одна из головоломок для исследователей. С одной стороны, воля едина и нераздельна с самим Богом, являясь, как и Он, источником жизни. С другой – она выполняет роль посредника при творении, исходя из Бога и устанавливая мир в его бытийственной самостоятельности. “Частые отождествления Ибн Гебирилем воли с мудростью и словом Бога включают его доктрину воли непосредственно в широкий поток истории Логоса”². Правда, какой именно ручей этого потока питал мысль Ибн Гебириля, все еще остается загадкой. По своей “космической” роли посредника божественная воля близка Логосу Филона Александрийского. Можно усмотреть параллели и с I гл. Евангелия от Иоанна (тем более, что Ибн Гебириль неоднократно

именует волю “действующим словом”). Воля также понимается как “свет, через который мир начал быть” – “Первый Свет”, “Свет Первого Действующего” (то есть Бога). В то же время воля – это “действующая сила”, которая “ниспосылается, и погружается, и проникает во все”, “ни одна вещь не может быть неполнойной ею”. Иными словами, воля раскрывается Ибн Гебирилем как слово и сила, как принцип смысловой оформленности, разумного упорядочения (не случайно она отождествляется с мудростью) и как энергия, этот смысл утверждающая и животворящая (явная аналогия христианских Слова и Духа). В то же время божественная воля так же непостижима, как и сам Бог, и познается “косвенным образом” – по своим действиям и проявлениям в мире.

Само творение мира (его интерпретация оставалась “камнем преткновения” для еврейской философии) понимается как объединение волей всеобщей материи и формы, или, более точно, как излияние из нее световых форм на “субстрат” всеобщей материи. Данным категориям, унаследованным неоплатонизмом от Аристотеля, Ибн Гебириль придает универсальный характер. Логика проста: поскольку физический мир состоит из материи, обложенной в форму (то была очевидная истина для его эпохи), а, согласно важнейшей методологической установке Ибн Гебириля, “низшее – образ высшего, которое ниспосылает его из себя” не только чувственный, но и умопостижимый мир простых субстанций (неоплатонических ума, души, природы) состоит из материи и формы. Наряду с телесной материей существует и материя духовная – единая основа всего сотворенного мира. В отличие от неоплатонизма Плотина, у Ибн Гебириля между двумя видами материи нет онтологического или ценностного разрыва: телесная материя образуется в результате “замутнения” и “уплотнения” материи первоначально чисто духовной.

Материя и форма (помимо общепринятого “аристотелевского” понимания) для Ибн Гебириля имеют смысл “носителя” и “носимого”. В определенном смысле сам Бог, “носитель” воли и всего того, что в ней есть от материи и формы, может считаться материей. “Материя, – писал Дж. Бруно, – есть начало, необходимое, вечное и божественное, как полагал мадр Авицеброн, называвший ее *Богом, находящимся во всех вещах*”¹.

В определении свойств материи и формы Ибн Гебириль активно использует неопифагорейские идеи: “Неправильно говорить, что единство суть корень всего, ибо единство является формой, а все – это не только форма, но форма и материя. Правильно же говорить, что “троица” – это корень всего. “Единица” соответствует форме, а “двоица” – материи”. Отсюда в материи и появляется свойство “двоицы” – делимость и множественность, ответственное за “умножение” материи, “утяжеление” ее и превращение в телесную.

В основе подобного рассмотрения лежит интуиция числовой основы мира, крайне близкая еврейской мистике (возможно, она была заимствована из “Книги творения”). “... Созерцающая роды сущего, ты обнаружишь, что они устроены согласно природе числа и упорядочены в соответствии с ним” (Источник жизни, IV, 19). Так, всеобщий разум подобен “единице” и потому обладает ее свойством – нераздельным единством всех форм, собранных в его форме. Душа подобна “двоице” и наряду с “тождественным” разумом в ней появляется и “иное” различие. Жизненная душа подобна “троице”, природа – “четверице” и т.д. Поскольку каждое последующее число ряда с неизбежностью возрастает, постольку неизбежен и переход сотворенного бытия от высшего единства разума к абсолютной множественности телесной материи и, следовательно (по ценностным стандартам эпохи), от совершенства – к несовершенству и деградации.

В другом фрагменте (II, 27) в рассуждениях Ибн Гебириля явно просвечивает “буквенно-числовая мистика” “Книги творения”: “И потому сказано, что составление мира произошло через начертание чисел и букв в воздухе”.

Структуре универсума соответствуют и “три всеобщих вида знания” – знание материи и формы, знание воли и знание первой субстанции, или Бога. Выделение

¹ Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. М., 1990. С. 31–32.

² Juttman I. Philosophies of Judaism. New York, 1973. P. 117.

“трех родов знания” именно как *знания* тем более странно, что Ибн Гебироль прямо и недвусмысленно утверждает о непознаваемости Бога и его воли. Что касается всеобщей материи и формы, то они принципиально неопределимы, так как выше их нет рода, который мог бы служить основой для их определения. Кроме того, всякое познание – это “объединение формы познающего с формой познаваемого”, в то время как божественная воля выше формы и не имеет ее. Сам Ибн Гебироль признает, что “материя и форма – двое закрытых врат, и трудно разуму отворить их и войти в них” (V, 55). Тем не менее он говорит о тех, для которых стало возможным познать три всеобщих вида знания (V, 56), – это обладающие тонкостью души и чистотой разума. Возможно, именно воля души – образ всеобщей воли в микрокосме-человеке – дает возможность войти в область заповедного для разума, поскольку “актом воли человек достигает того, что не может быть достигнуто разумом”. Правда, о роли воли в процессе познания Ибн Гебироль нигде не говорит прямо.

Само познание, по его мнению, означает максимальное уподобление духовным субстанциям и “наслаждение в непосредственной близости от Совершенного Блага”. Гебироль наследует платоническую теорию знания как припоминания. Душа человека получает запечатления высшей мудрости, но с момента соприкосновения с его телом они становятся сокрытыми в ней (V, 65). Для их пробуждения необходимы импульсы, получаемые от чувственного познания (самоценность которого невелика, так как чувственные формы – лишь запечатления умопостигаемых и духовных). Кроме того, чувственное познание дает материал для аналогий и уподоблений, с помощью которых высшее познается через низшее, духовное – через телесное, незримое – через зримое. Эманационное единство мира, то есть истечение всего бытия из единого источника, в понимании Ибн Гебиролья исключает любой дуализм и резкое разграничение “тела” и “духа”.

“Источник жизни” был написан в форме диалога между учителем и учеником. Правда, диалоги Платона он напоминает чисто формально. Вопросы ученика лишь побуждают учителя к развертыванию своих идей и их скрупулезному логическому обоснованию. Трактат состоит из пяти книг, неравноценных по своему объему. Основная его тема – анализ первого из трех родов знания: материи и формы в их различных видах и проявлениях. Первая книга содержит предварительный разбор понятий материи и формы: логический “каркас” всей системы – постулирование “трех родов сущего” и их онтологической взаимосвязи (I, 3). Здесь же рассматриваются материя и форма, присущие объектам чувственного восприятия. Книга вторая посвящена главным образом духовной материи, которая лежит в основе духовных форм. В третьей книге приводятся доказательства существования простых субстанций (ума, души, природы) – “мостика” перехода от вечного к временному, от бесконечного к конечному и т. д. В четвертой книге исследуются материя и форма простых субстанций, и, наконец, в пятой книге материя и форма рассмотрены в их всеобщности. Правда, разделение трактата на книги весьма условно и повторы, равно как и несогласованности и неувязки, довольно часто встречаются в тексте.

Арабский оригинал трактата не сохранился. В XII в. Иоанн Испанский (возможно, еврейский аристотелик Ибн Дауд) и Доминик Гундиссальви сделали латинский перевод. В XIII в. еврейский философ Шем Тов ибн Фалакера (или Палкера) перевел на древнееврейский язык отрывки трактата, по его мнению, наиболее существенные для понимания системы Ибн Гебиролья и содержащие самые важные ее положения (они занимают примерно одну треть объема оригинала). При переводе Фалакера пожертвовал диалогической формой сочинения (именно версия Фалакеры была найдена Мунком). Мунк исправил и издал в 1858 г. текст Фалакеры, снабдив его обширным комментарием и параллельным французским переводом (русский вариант фрагментов версии Фалакеры помещен в “Антологии мировой философии”. М., 1969, т. I, ч. 2. С. 765–781; полностью трактат на русском языке не выходил).

Раздел VII КАББАЛА

